ВѢРОТЕРПИМОСТЬ

ВЪ РОССІИ.



КРАКОВЪ.
Изданіе и печать типографіи В. Л. Анчица и Ком.
1897.

I.

»Я состарѣлся на службѣ по судебному вѣдомству, я, наконецъ, русскій и притомъ русскій до мозга костей и я говорю Вамъ: Ваше Высокопревосходительство, дѣло, которое только что подъ моимъ председательствомъ закончилось и подъ живымъ впечатлѣніемъ котораго Вамъ пишу постоящія строки, именно потому, что я русскій, возмутило во мнѣ до глубины души національное чувство«... Такъ писалъ русскому министру юстиціи старшій председатель виленской судебной палаты (нынѣ сенаторъ) Стадольскій, поддерживая ходатайство той же палаты о замѣнѣ каторжныхъ работъ обвиненымъ по извѣстному дѣлу въ мѣстечкѣ Крожахъ, Ковенской губерніи, при насильственномъ закрытіи костела, — одногодичнымъ тюремнымъ заключеніемъ, въ виду особыхъ обстоятельствъ этого дѣла. Изъ содержанія письма Г. Стадольскаго, которое цѣликомъ приводится ниже, явствуетъ, что въ этомъ предсѣдатель палаты, который строго удерживалъ защитниковъ отъ заявленій на судѣ о жестокой расправѣ нагайками надъ бѣжавшими крестьянами и крестьянками, русское національное чувство было возмущено именно образомъ дѣйствій въ данномъ случаѣ мѣстныхъ властей.

Явленіе отрадное, не только по отношенію къ облегченію судьбы несчастныхъ избитыхъ и затѣмъ еще осужденныхъ, но и въ смыслѣ общественно-психологическаго показателя. Если вопіющее насиліе надъ религіознымъ чувствомъ и личными правами сотенъ людей способно было возмутить русское національное чувство въ лицѣ чиновника, уважающаго принципъ законности, но строго проводившаго виды »обрусѣнія« при порученномъ ему введеніи новыхъ судебныхъ учрежденій въ виленскомъ округѣ, то это можетъ служить довольно яркимъ доводомъ, что понятіе справедливости, чувство гуманности даже къ иноплеменникамъ и способность возмущаться попраніемъ чужой святыни, вовсе не исчезли въ русскомъ обществѣ до такой степени, какъ должно бы полагать, судя по такимъ газетамъ, какъ »Московскіе Вѣдомости«, »Варшавскій Дневникъ«, »Новое Премя«, »Свѣтъ« и т. п.

Если дѣйстствіе мѣстныхъ властей въ Крожахъ возмутило національное чувство въ г. Стадольскомъ, то это даетъ основаніе полагать, что еслибы образованные, самостоятельно мыслящіе, незаинтересованные въ системѣ преслѣдованій вѣры и языка западной окраины, русскіе люди могли присмотрѣться вблизи не только къ тому, что дѣлалось въ Крожахъ, но и ко всему, что дѣлается въ томъже направленіи во всемъ западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ, дѣлается на каждомъ шагу, возведено въ административную систему — то въ нихъ національное чувство былобы возмущено еще сильнѣе. Быть можетъ даже, они громко заговорили бы, что подобная система беззавѣтнаго чиновничьяго произвола, окутавшая жителей католическаго исповѣданія въ цѣлыхъ 19 губерніяхъ сѣтью нестерпимыхъ шиканъ и оскорбленій религіознаго чувства, несовмѣстна съ достоинствомъ рус-

скаго имени и не можетъ быть дальше термина, такъ какъ она является постыднымъ пятномъ, рѣзко отдѣляющимъ Россію отъ остальной Европы.

Только такое предположеніе и побудило насъ взяться за перо, чтобы представить въ истинномъ свѣтѣ вопросъ о религіозной »вѣротерпимости« на западной окраинѣ русскаго государства. Мы можемъ разсчитывать на вниманіе только русскихъ людей мыслящихъ самостоятельно, но конечно не тѣхъ, которые носятся съ взглядами, заимствованными изъ изданій, торгующихъ въ Россіи завѣдомой ложью, подъ прикрытіемъ національизма, совершенно такъ, какъ за границей есть изданія торгующія порнаграфіею подъ названіемъ натурализма. Тѣ и другія разсчитываютъ на низкіе, грубые инстинкты, свойственные человѣчеству: на страсть къ насиліямъ, *на самохвальство, зависть или похоть, ведущую къ разврату*. Разъяснять истинное положеніе такимъ изданіямъ, которыя торгуютъ ложью, потому что это имъ выгодно-наивно-тщетное предпріятіе. Въ Россіи, обновленной реформами Александра II, эта торжествующая ложь, нахальное утвержденіе, что бѣлое черно, а черное бѣло, была вновъ насаждена приснопомятнымъ Катковымъ, который на этой лжи сдѣлалъ себѣ милліонное состояніе. Въ одной изъ его статей, написанныхъ по поводу польскаго вазстанія 1863 года, Катковъ открыто осудилъ примѣненіе въ политическихъ дѣлахъ правила, что »дважды два — четыре«. *И* дѣйствительно, во всей своей послѣдующей дѣятельности этотъ талантливый, но безсовѣстный публицистъ обращался съ фактами совершенно произвольно, слѣдуя поговоркѣ, что бумага все терпитъ. Наиболѣе характернымъ представлялось не то, что онъ *взывалъ къ самымъ строгимъ мѣрамъ* противъ Поляковъ,

но то, что онъ, бывшій либералъ, проводилъ въ общегосударственныхъ дѣлахъ самую крайнюю реакцію, что уличалъ сомостоятельные суды въ упраздненіи государства, онъ же бывшій восторженный хвалитель судебной реформы. Для оправданія всякихъ насилій во всѣ времена приводилось какъ высшій аргументъ — »государственная необходимость«, Salus reipublicae, raison d'Etat. И въ недавнее время, въ высококультурной Германіи могли же быть провозглашены такіе политическіе принципы, что государства зиждутся желѣзомъ и кровью и что сила идетъ передъ правомъ.

Во всемъ писательствѣ Каткова, ставшаго ренегатомъ своихъ прежнихъ убѣжденій, наиболѣе характерно не постоянное воззваніе къ произволу, къ насилью, но именно та безпардонная ложь, какою онъ постоянно успащалъ каждую изъ своихъ статей, коверкая или замалчивая или прямо сочиняя факты, по мѣрѣ того, какъ это было ему нужно. Онъ дошелъ наконецъ до того, что событіе 1 марта 1881 года приписалъ, въ весьма недвусмысленныхъ выраженіяхъ тогдашнему канцлеру дружественной Россіи державы. Вотъ яркій примѣръ того, какъ Катковъ лгалъ безъ удержи, безцеремонно утверждалъ, что хотѣлъ, вовсе не стѣсняясь даже и полнымъ неправдоподобіемъ иныхъ своихъ выдумокъ, точно считалъ своихъ читателей какимъ то стадомъ барановъ.

Продолжатели Каткова, далеко не обладая его талантомъ, унаслѣдовали только его доносничество и его беззастѣнчивую полемическую манеру. Такъ »Варшавскій Дневникъ« въ опроверженіе извѣстной книги графа Леливы »Русско-Польскія отношенія«, въ которой притѣсненія, испытываемыя католическимъ духовенствомъ въ западномъ краѣ и случаи неисполненія мѣстными властями

законовъ и министерскихъ распоряженій изложены документальнымъ образомъ, съ ссылкой на числа и нумера мѣстныхъ распоряженій, а иногда и съ буквальными изъ нихъ выписками, счелъ совершенно достаточнымъ выступить съ голословными утвержденіями, что книга эта содержитъ только вымыслы и что никто не провѣрялъ ссылокъ ея автора на документы. Такъ корреспондентъ »Новаго Времени« изъ Сѣверо-западнаго края (N. 20 марта) по поводу той же книги утверждалъ, что »если кто-нибудь здѣсь угнетенъ и униженъ, то конечно православіе(!)«. И такъ угнетенными являются не католическіе епископы, отправляемые въ ссылку за вполнѣ законныя свои распоряженія по отношенію къ подчиненнымъ имъ ксендзамъ, но православные архіереи, у которыхъ католики должны испрашивать разрѣшенія на постройку костеловъ или каплицъ. Угнетены не ксендзы, которые интернированы въ своихъ приходахъ, откуда не имѣютъ права отлучаться въ сосѣдній приходъ безъ разрѣшенія губернатора (въ Зап. краѣ) или начальника уѣзда (въ Царствѣ), которые штрафуются за употребленіе хоругвей при выносѣ тѣла или за пѣніе провожающими покойника молитвъ на польскомъ языкѣ (циркуляры виленскаго ген.-губернатора 24 ноября 1887 г. и 14 октября 1894 г. см. книгу Лѣливы стр. 145—146), — но мѣстные православные священники, передъ доносами которыхъ дрожитъ все католическое населеніе. Угнетены не католики, у которыхъ отнято много костеловъ и обращено въ церкви, но православные, для которыхъ въ Западномъ краѣ и Царствѣ строится изъ податныхъ средствъ, оплачиваемыхъ и католиками, новыхъ церквей ежегодно на сотни тысячъ рублей!

II.

Таковы полное извращеніе фактовъ, безвастѣнчивая фальсификація и совершенно голословныя утвержденія, какими русскія газеты извѣстнаго лагеря, идя по стопамъ Каткова, подчуютъ русское общество. Понятно, что ложь легко бы обнаружилась, еслибы поляки, литвины и бѣлорусы-католики могли съ этой цѣлью обращаться къ русскимъ же, добросовѣстнымъ газетамъ. Но при существующихъ въ Россіи цензурныхъ условіяхъ, когда основаніе новыхъ политическихъ газетъ безъ предварительной цензуры разрѣшается лишь въ видѣ исключеній и притомъ только лицамъ безусловно Катковскаго-же направленія, а существующія уже приличныя и сколько-нибудь самостоятельныя изданія всѣ имѣютъ уже по два »предостереженія«, то есть висятъ на волоскѣ, естественно, что изданія эти не рѣшаются печатать подобныхъ опроверженій, какъ бы даже ни были увѣрены въ ихъ правдивости. А если когда, въ рѣдкихъ случаяхъ, это и случалось, то только благодаря какому либо особому обстоятельству.

Еще бы! Вѣдь каждое слово правды о положеніи западной окраины является уликой произвола мѣстной администраціи. А корреспонденты »національнаго« уськанья и лганья всѣ сами принадлежатъ къ ней. Въ Варшавѣ корреспонденты всѣхъ такихъ русскихъ газетъ служатъ въ мѣстныхъ цензурномъ и жандармскомъ вѣдомствахъ. Отсюда происходитъ, что столичныя русскія газеты этого направленія являются какъ бы органами мѣстной администраціи, прямо заинтересованной въ томъ, чтобы выставлять западную окраину, находящеюся въ

вѣчно тревожномъ состояніи, во всемъ указывать польскія интригу и козни.

Такъ, опасаясь, чтобы при новомъ царствованіи система безусловнаго полицейскаго произвола и безчисленныхъ *придирокъ, которыя только поддерживаютъ раздраженіе*, не стало менѣе угодною, жандармское управленіе въ Царствѣ начало производить усиленные обыски и арестованія для добытія требовавшагося ей »матеріала«. Дѣйствительно, нашли нѣсколько прокламацій соціалистическаго характера и тотчасъ придали имъ значеніе симптома общаго настроенія всей интеллигенціи въ краѣ, при безусловномъ въ немъ спокойствіи, при несомнѣнномъ, единственномъ желаніи огромнаго большинства той же интеллигенціи, чтобы ея только не трогали, не продолжали отнимать у нея хотя бы низшія мѣста на службѣ. И пустыми прокламаціями, найденными у нѣсколькихъ рабочихъ и студентовъ, старались доказать, что ни малѣйшаго »послабленія« допустить не возможно.

Но вѣдь русскіе нигилисты дѣлали не такія дѣла, *какъ авторы соціалистическихъ брошюръ, присланныхъ* въ Царство изъ заграницы. А не безразсудно-ли было бы въ убійствахъ прокурора Стрѣльникова, губернатора Крапоткина, генерала Мезенцова, а тѣмъ болѣе во взрывѣ въ Зимнемъ дворцѣ и въ другихъ покушеніяхъ на жизнь Императора Александра II видѣть общее настроеніе всей русской интеллигенціи? Но вѣчное заподозрѣваніе и поддержка раздраженія произволомъ всякаго стражника, входитъ въ прямой разсчетъ администраціи во всей западной полосѣ. Этимъ оправдывается дальнѣйшее существованіе политикующихъ генералъ-губернаторствъ, ассигнованіе суммъ въ безотчетное употребленіе, скупъ

польскихъ имѣній за безцѣнокъ мѣстными высшими чиновниками, двойные оклады жалованья и почти неограниченный произволъ. »Службу всякаго порядочнаго человѣка (т. е. русскаго въ Сѣверо-западномъ краѣ) — писалъ тотъ же корреспондентъ »Новаго Времени« — слѣдовало бы считать какъ подъ Севастополемъ — мѣсяцъ за годъ«. Чтожъ, можетъ быть добьется со временемъ и этого та административная армія, которая давитъ поляковъ, лѣзетъ по польской спинѣ въ генералы и помѣщики и съ такой цѣлью фальсифицируетъ русское общественное мнѣніе посредствомъ газетъ новаго сорта. Она изъ кожи лѣзетъ, чтобы свои удобства, свои выгоды представлять какъ русское дѣло, какъ интересъ Россіи. Еслибы не только въ Западныхъ губерніяхъ, но и въ Царствѣ введены были совершенно такіе порядки управленія, какіе существуютъ во внутреннихъ губерніяхъ, то гдѣ же »способнымъ дѣятелямъ« было бы дѣлать быструю карьеру и быстро обзаводиться имѣніями?

Послѣднее относится въ особенности къ Западному краю. Тамъ всѣмъ извѣстно, какое употребленіе дѣлаютъ администраторы изъ исключительныхъ законовъ воспрещающихъ католикамъ покупать имѣнія и изъ льготъ, въ силу которыхъ русскіе могутъ пріобрѣтать ихъ за безцѣнокъ, съ переводомъ долга. Явныя злоупотребленія въ этомъ отношеніи доходили и до центральной власти, но лишь крайне рѣдко. И, само собой разумѣется, что къ суду виновные не привлекались, а печать о такихъ дѣлахъ молчала. А пробовалъ-ли кто сдѣлать статистику, сколько и при какихъ доплатахъ изъ собственныхъ средствъ пріобрѣтено имѣній въ западной полосѣ мѣстными должностными лицами?

Какъ уже сказано выше, та часть русской печати, которая специально занимается сыскомъ на западной окраинѣ, представляется по своимъ связямъ на мѣстахъ чрезъ своихъ корреспондентовъ — цензоровъ и другихъ служащихъ въ мѣстной администраціи, по источнику и характеру получаемыхъ ею свѣдѣній — органами этой администраціи. Тенденціозныя, раздражающія свѣдѣнія вполнѣ на руку такимъ газетамъ, которыя съ любовью культивируютъ травлю инородцевъ, какъ нѣчто пикантное, соотвѣтствующее грубымъ и низкимъ инстинктамъ. Факты, сообщаемые въ искаженномъ видѣ, или голословныя заподозрѣванія, получаемыя отъ корреспондентовъ, »освѣщаются« въ передовыхъ статьяхъ заправскими специалистами по части полякоѣдства. Въ этихъ редакціонныхъ статьяхъ всѣ извращенія, доставленныя изъ чиновничьяго мутнаго источника, обдѣлываются, подкрашиваются, возводятся въ квадратъ, обобщаются и слагаются въ настоящія прокурорскія рѣчи, съ той лишь особенностью, что этихъ прокуроровъ-добровольцевъ уже ни малѣйшимъ образомъ не стѣсняютъ ни возраженія защиты, ни законъ, ни приличіе. Въ такихъ реквизиторіяхъ безусловно похваляется всякое притѣснительное дѣйствіе мѣстныхъ чиновниковъ, а иногда еще и обличаются тѣ должностныя лица, которыя почему-либо не высказываютъ достаточнаго рвенія по части изгнанія поляковъ изъ службы на желѣзныхъ дорогахъ и т. п. Смотришь затѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь и увольняется за недостатокъ рвенія. И тогда говорятъ — печать въ Россіи это уже сила. Въ дѣйствительности же печать въ Россіи имѣетъ лишь ровно настолько силы, сколько въ ней всегда имѣлъ доносъ, и никакой иной силы русская печать не имѣетъ. Голосъ большинства

печати противъ передѣлокъ судебныхъ и земскихъ учрежденій и противъ учрежденія земскихъ начальниковъ оказался совершенно безсильнымъ. Но голосъ трехъ-четырехъ доносническихъ газетъ несомнѣнно оказываетъ дѣйствіе, хотя реляціи жандармовъ имѣютъ, конечно, еще бо́льшую силу того же свойства и въ томъ же направленіи.

Намъ необходимо было остановиться на томъ, какія условія создали русскую чиновничью печать и опредѣлили ея характеръ. *Она явилась какъ дѣтище реакціи* въ сторону бюрократизма. Первымъ и единственнымъ талантливымъ проповѣдникомъ принципа всевластной бюрократіи былъ Катковъ. Онъ воспользовался польскимъ возстаніемъ для того, чтобы отвлечь умы отъ либеральнаго настроенія начала 60-хъ годовъ и сталъ возбуждать національныя страсти, выставляя русскихъ и русское дѣло обиженными на всѣхъ окраинахъ. Отъ увлеченія либерализмомъ онъ взывалъ къ искорененію »сепаратизмовъ«, истинно-національное дѣло внутренняго развитія и просвѣщенія онъ заслонилъ задачею травли и по возможности уничтоженія въ государствѣ всякаго мѣстнаго учрежденія, вліянія или самостоятельнаго быта всѣхъ элементовъ невеликорусскихъ. Для этого необходимо было все невеликорусское постоянно выставлять опаснымъ для государства сепаратистическимъ явленіемъ, а такую задачу и невозможно было исполнить иначе, какъ рядомъ натяжекъ и самой нахальной лжи.

Эпигоны Каткова продолжали его проповѣдь мрачнаго всевластія бюрократіи и необходимости полной диктатуры въ западной полосѣ государства, гдѣ эта бюрократія на полномъ просторѣ выслуживается и наживается. Все это называется р у с с к и м ъ д ѣ л о м ъ.

Въ новѣйшее время девизомъ этихъ людей являются слова: »Россія для русскихъ«, за который сильно стоитъ »Новое Время«. Но для какихъ »русскихъ« была Россія въ царствованіе Александра III, какіе русскіе имѣются въ виду при осуществленіи чиновническо-національной программы? Ужъ конечно не бѣлорусы и не малоросіяне, которыхъ языки недопущены въ Россіи въ школы (а въ Галиціи малорусскій языкъ есть языкомъ преподаванія въ народныхъ школахъ и въ трехъ гимназіяхъ и на немъ говорятъ депутаты русиновъ на сеймѣ) и церковная проповѣдь на нихъ запрещена. »Россія для русскихъ« это девизъ, который не удовлетворяетъ и интересовъ 11 милл. великорусскаго населенія преслѣдуемыхъ староообрядцевъ, раскольниковъ и штундистовъ. Если »Россія для русскихъ« должно быть признано за основный принципъ минувшаго царствованія, то какже съ нимъ согласить учрежденіе земскихъ начальниковъ и возобновленіе (чрезъ посредство волостныхъ судовъ) сѣченія великорусскаго народа?

И такъ, если »Россія для русскихъ« означаетъ такую Россію, которая отрицаетъ народности малорусскую и бѣлорусскую, преслѣдуетъ по меньшей мѣрѣ десятую часть великорусскаго старовѣрческаго населенія и возстановляетъ административный произволъ надъ великорусскимъ народомъ, то кому же собственно выгоденъ девизъ »Россія для русскихъ«? Губернаторамъ изъ пажей и чиновникамъ изъ семинаристовъ.

Мы уже указали, что особыя цензурныя условія, существующія въ Россіи, сдѣлали возможною такую газетную ложь объ окраинахъ, обезпечивая ей полную безнаказанность. Опровергать ее невозможно въ Россіи.

А между тѣмъ мы знаемъ, что въ русскомъ образованномъ обществѣ, среди дѣятелей земскихъ, въ сословіи судебномъ, и на тѣхъ высшихъ ступеняхъ государственной дѣятельности, гдѣ иной сановникъ уже освобождается отъ тѣсноты чисто чиновничьихъ воззрѣній и интересовъ, есть люди, которые вовсе не сочувствуютъ религіознымъ притѣсненіямъ, да и самому произволу мѣстной администраціи. Но въ силу цензурныхъ условій люди эти не могутъ знать, что дѣлается въ дѣйствительности въ Западномъ краѣ и въ Царствѣ польскомъ. Травля на поляковъ многимъ изъ нихъ давно пріѣлась и далеко не все, что твердятъ »Московскія Вѣдомости«, »Свѣтъ« и т. п. кажется имъ убѣдительнымъ. Но эти многіе остаются въ неизвѣстности, до какой степени лживы обвиненія расточаемыя такими газетами и тѣ аргументы, которыми онѣ стараются оправдать и поддержать существующій на западной окраинѣ режимъ.

Въ послѣднее время русская печать особенно занималась вопросомъ о вѣротерпимости, причемъ защитники чиновничьяго произвола громогласно утверждали, что никакимъ притѣсненіямъ католическое духовенство и католическое населеніе въ Западномъ краѣ и въ Царствѣ въ дѣлахъ вѣры и религіозныхъ обрядахъ не подвергаются и что въ Россіи существуетъ полная вѣротерпимость. И вотъ, для тѣхъ русскихъ людей, которые способны судить самостоятельно, если только имъ будутъ представлены факты для такого сужденія, и предназначается настоящій очеркъ.

Почему онъ издается за границей, а не помѣщается въ одномъ изъ добросовѣстныхъ русскихъ журналовъ — это достаточно объяснено выше. Прибавимъ, что очеркъ этотъ не внушенъ никакимъ враждебнымъ

чувствомъ къ Россіи. Самая увѣренность наша, что въ Россіи, несмотря на тридцатилѣтнюю сатурналію чиновничьей печати, есть люди, къ суду которыхъ стоитъ обратиться, доказываетъ это.

II.

Газета »Свѣтъ«, въ доказательство полной вѣротерпимости, будто бы существующей въ Россіи, указывала на производство изъ казны содержанія католическому духовенству и на допущеніе постройки католическихъ церквей. »Если-бы мы гнали католиковъ — говорилъ »Свѣтъ« — то какимъ же образомъ у насъ ежегодно воздвигались-бы десятки новыхъ католическихъ церквей и мы содержали-бы католическое духовенство, когда наше собственное, православное духовенство до сихъ поръ далеко еще не вполнѣ и не все обезпечено содержаніемъ отъ правительства? Мы всегда признавали и признаемъ полную свободу религіи, полную вѣротерпимость. Если же мы прилагаемъ заботу объ утвержденіи и объ укрѣпленіи православія хотя-бы и на западныхъ окраинахъ, если слѣдимъ, чтобы представители католичества не являлись политическими факторами и католичество не распространялось бы на счетъ православія, то это вполнѣ естественно, это даже нашъ долгъ«. Въ другой статьѣ той же газеты утверждалось, что »Россія никогда ни къ одному народу не питала отвращенія, ничьей совѣсти, ничьихъ вѣрованій не преслѣдовала« ...

Правда, »Свѣтъ« — ничтожная газетка, хотя и расходящаяся въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Не стоило бы останавливаться надъ явной не-

правдой, столь беззастѣнчиво высказываемой, если бы положеніе о существованіи въ Россіи полной вѣротерпимости было высказано только »Свѣтомъ«. Но оно провозглашалось неоднократно и съ болѣе авторитетной стороны. Это положеніе открыто ставилъ и защищалъ оберъ-прокуроръ синода д. т. с. Побѣдоносцевъ въ своемъ, напечатанномъ во всѣхъ русскихъ газетахъ отвѣтѣ на извѣстное ходатайство »евангелическаго союза« о вѣротерпимости. Что вѣротерпимость дѣйствительно, издавна и вполнѣ соблюдается въ Россіи это часто повторяется въ разныхъ русскихъ газетахъ. Если же мы останавливаемся на этомъ положеніи въ томъ видѣ, какъ оно формулировано въ »Свѣтѣ«, то просто потому, что это новѣйшее изъ заявленій все той же неправды. Она очевидна для всѣхъ людей мыслящихъ и сколько нибудь знакомыхъ съ русской исторіей, русскими законами и русской жизнью. И если тѣмъ не менѣе неправда эта беззастѣнчиво повторяется, то только въ разсчетѣ на невѣжество толпы и на невозможность свободнаго опроверженія ея въ русской же печати.

Россія присоединила къ себѣ бóльшую часть польскаго государства съ населеніемъ католическимъ, уніятскимъ и еврейскимъ, съ примѣсью населенія православнаго, протестантскаго и даже магометанскаго. Подати съ этого населенія стали поступать въ русскую казну; въ казну же были забраны духовные капиталы, имѣнія монастырей и эдукаціонный фундушъ. Если при этомъ русскія власти не закрыли сразу всѣхъ костеловъ и изъ податей, собираемыхъ съ католическаго населенія, стали удѣлять малую часть на содержаніе его духовенства, взамѣнъ забранныхъ капиталовъ и имѣній, то это еще не »полная вѣротерпимость« и не »полная свобода ре-

лигіи«, о которыхъ говоритъ »Свѣтъ«, а просто мѣра политической необходимости, вызванная самыми фактами завоеванія. И древній Римъ, покоряя другіе народы, не разрушалъ ихъ храмовъ, дозволялъ ихъ жрецамъ отправлять прежнее богослуженіе, даже присоединялъ нѣкоторыхъ изъ ихъ боговъ къ своимъ, что показывало, пожалуй, еще бóльшую терпимость.

Но затѣмъ, русское правительство, съ содѣйствіемъ уніятскаго епископа Сѣмашки и его сообщниковъ, насильственно обратило въ православныхъ все уніятское населеніе Бѣлоруссіи и Литвы, а въ новѣйшее время оно сдѣлало тоже и въ Царствѣ Польскомъ. Милліонамъ людей, преданныхъ нѣсколькими ренегатами, приказано было стать православными, а хотѣвшіе пребыть вѣрными прежней вѣрѣ, объявлялись »упорствующими« и цѣлыми деревнями ссылались въ Сибирь. Неизчисленныя страданія множества людей, безпомощность цѣлыхъ населеній, которыя долго »упорствовали«, оставляя дѣтей безъ крещенія, брачные союзы безъ освященія, горе людей, которые умирали безъ исповѣди и причащенія — во всемъ этомъ, если правъ »Свѣтъ«, не было »преслѣдованія ничьей совѣсти, ничьихъ вѣрованій« и проявлялась »полная свобода религіи«.

На это русскія газеты возразятъ намъ, что и самая унія вводилась въ свое время не безъ протестовъ со стороны населенія и не безъ насилій. Мы могли бы отвѣтить, что между флорентскимъ соборомъ и указомъ Николая I было нѣкоторое различіе, что въ Польшѣ государственная власть не имѣла и тѣни той силы на мѣстахъ, какою владѣетъ русская правительственная система, начиная отъ урядника и кончая оберъ-прокуроромъ синода и шефомъ жандармовъ. Однако мы вовсе

не отрицаемъ, что и при введеніи уніи были насилія. Но если ихъ осуждаютъ русскіе историки и публицисты, то они же, логически, обязаны осуждать несравненно бо́льшія, общія насилія сопровождавшія упраздненіе уніи, внезапное перегнаніе милліоновъ, а въ новѣйшее время сотенъ тысячъ людей въ другую вѣру, съ немедленной карою для каждаго противящагося. То что подлежитъ осужденію въ исторіи Польши XVI и XVII вѣковъ, тѣмъ болѣе должно быть осуждаемо въ исторіи Россіи XIX столѣтія. Преслѣдованіе, насиліе въ наше время не перестаетъ быть такимъ оттого только, что прежде когда-то было преслѣдованіе и насиліе въ противоположную сторону.

»Свѣтъ«, въ доказательство полной вѣротерпимости, безстыдно указываетъ, что »ежегодно воздвигаются десятки новыхъ католическихъ церквей«. Но если сравнить число вновь построенныхъ въ Царствѣ и въ Западномъ краѣ съ 1864 года костеловъ съ числомъ костеловъ закрытыхъ, обращенныхъ въ церкви и пришедшихъ въ полную ветхость отъ недозволенія починки, то несомнѣнно окажется, что костеловъ въ западной окраинѣ за 30-лѣтіе стало не больше, а меньше. Вѣдь и соборы православные, какъ въ Вильнѣ, такъ и въ Варшавѣ не что иное, какъ отнятые у католиковъ костелы. Въ Вильнѣ за 30-ти-лѣтіе не построено ни одного костела, хотя населеніе удвоилось, а отнято костеловъ нѣсколько. Достаточно сказать, что для постройки костела на собранныя прихожанами средства требуется разрѣшеніе православнаго епископа. И это полная вѣротерпимость!

Да совершенная неправда и то, будто бы въ коренной Россіи ничья совѣсть и ничьи вѣрованія не преслѣдовались. Отъ царствованія царя Алексѣя и по на-

стоящее время въ Россіи преслѣдовались и были лишены правъ русскіе протестанты, то есть раскольники. Страшныя гоненія, съ битьемъ кнутомъ и рваніемъ ноздрей, многіе примѣры самосожженія цѣлыхъ группъ несчастныхъ при приближеніи воинской команды — вотъ иллюстрація русской вѣротерпимости въ прошломъ столѣтіи. Отъ нея раскольники бѣжали въ предѣлы тогдашняго польскаго государства, въ Пруссію, даже въ Турцію. И въ настоящемъ столѣтіи молокане и духоборцы ссылались на Кавказъ, разныя секты безпоповцевъ и даже старообрядцы, пріемлющіе священство не имѣли права строить церквей и моленъ и если отправляли богослуженіе, то только тайно, щедро платя полиціи, а при первомъ недовольствѣ съ ея стороны или доносѣ православнаго духовенства, молитвенные дома ихъ или избы запечатывались, престолы разбивались топоромъ, иконостасы, хоругви и образа отбирались и передавались духовенству господствующаго вѣроисповѣданія. Духовныя же лица этихъ русскихъ протестантовъ сдавались въ солдаты или заточались въ монастыри, гдѣ содержались десятки лѣтъ, иногда до смерти. И въ то же время русскіе газетчики твердили, что въ Россіи существуетъ полная вѣротерпимость, только на томъ основаніи, что »на самомъ Невскомъ проспектѣ« въ Петербургѣ находятся двѣ кирки и костелъ. До 70-хъ годовъ текущаго столѣтія раскольничьи браки не признавались законными и цѣлая шестая часть великорусскаго населенія признавалась незаконнорожденною и живущей въ блудѣ. Вотъ она, русская вѣротерпимость. И въ то же время, русскія газеты вопили противъ католическаго клерикализма въ папской области, въ Италіи и въ Австріи.

Дѣятельное преслѣдованіе раскольниковъ было нѣ-

сколько ослаблено въ царствованіе императора Александра II, но только въ силу секретнаго повелѣнія, а не уравненія русскихъ сектантовъ, которое не послѣдовало и доселѣ. Правда, введена была регистрація раскольничьихъ браковъ въ полиціи. Но и въ послѣднія лѣтъ 20 жестокому преслѣдованію подвергались, а по временамъ еще подвергаются штундисты. Вѣротерпимость по отношенію къ этимъ русскимъ баптистамъ выражалась въ немилосердномъ сѣченіи розгами цѣлыхъ деревень и въ ссылкѣ духовныхъ наставниковъ.

Русскіе публицисты не могутъ не знать, что »полная вѣротерпимость« и »полная свобода религіи«, непреслѣдованіе »ничьей совѣсти« и »ничьихъ вѣрованій« должны означать безнаказанность и нелишеніе никакихъ гражданскихъ правъ для гражданъ отпадающихъ отъ господствующей вѣры въ иное вѣроученіе. Та отговорка, къ какой прибѣгъ д. т. с. Побѣдоносцевъ, въ своемъ возраженіи противъ ходатайства »евангелическаго союза«, будто въ Россіи существуетъ вѣротерпимость, а не допускается только »прозелитизмъ«, то есть уклоненіе гражданъ православныхъ (или насильственно зачисленныхъ въ православіе, какъ уніяты) въ иную вѣру, такъ какъ этотъ прозелитизмъ имѣетъ политическій характеръ — совершенно несостоятельна во всѣхъ отношеніяхъ. Это — пустая натяжка. Вѣдь и гоненія въ древнемъ Римѣ на христіянъ происходили при тѣхъ же условіяхъ. А именно — Римъ оставлялъ покореннымъ народамъ ихъ храмы, но онъ преслѣдовалъ отпаденіе своихъ гражданъ въ христіянство, преслѣдовалъ распространеніе новаго вѣроученія, совершенно такъ, какъ инквизиція преслѣдовала протестантство, а русскія власти разныя религіозныя секты и въ настоящее время

штундистовъ. Христіанъ мучали, жгли, бросали хищнымъ звѣрямъ именно въ силу того же принципа, что Римъ не преслѣдовалъ богослуженія покоренныхъ имъ народовъ, но не допускалъ прозелитизма, которому и тамъ придавался политическій характеръ, приписывалось стремленіе къ уничтоженію римскаго государства. Пока православный, уклонившійся въ иное исповѣданіе ссылается въ монастырь, — на »увѣщаніе (!)«, а духовное лицо, принявшее его въ иновѣріе лишается правъ *и ссылается на поселеніе за »совратительство«*, пока за одно неприведеніе дѣтей къ таинствамъ, считающіеся православными родители лишаются права имѣть при себѣ дѣтей, которые отнимаются у нихъ и передаются благонадежнымъ православнымъ родственникамъ — говорить о существованіи въ Россіи не только »полной свободы религіи«, но и »полной вѣротерпимости« значитъ повторять завѣдомо ложь. И сами русскіе публицисты, твердящіе эту ложь первые закричали бы о нетерпимости, о возмутительномъ религіозномъ преслѣдованіи, еслибы нѣчто подобное проявилось въ Баваріи или Бельгіи. Но въ какой-же католической странѣ протестанты напр. лишены права занимать государственныя должности, какъ его доселѣ лишены русскіе протестанты противъ господствующей церкви, то есть раскольники? Въ отношеніи религіозной свободы Россія еще стоитъ *на полусредневѣковой, крайне* низкой ступени развитія, отдѣляясь отъ Европы темной чертою.

IV.

Но, неговоря уже о полной религіозной свободѣ, въ Россіи нарушалась и нарушается самымъ возмути-

тельнымъ образомъ вѣротерпимость по отношенію къ иновѣрческимъ населеніямъ присоединеннымъ къ русскому государству силою оружія. Мы уже говорили о насильственномъ обращеніи въ православіе уніятовъ и о гоненіяхъ, какимъ подвергаются »упорствующіе« изъ нихъ. Теперь мы обратимся къ той системѣ стѣсненій и преслѣдованій въ Западныхъ губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ, какими обставлены мѣстное католическое духовенство и самое населеніе въ исполненіи требъ и обрядовъ и въ выраженіи религіозныхъ чувствъ. При этомъ, въ примѣръ той намѣренной лжи, которою русскія газеты извѣстнаго сорта окрываютъ передъ русскимъ обществомъ то понстинѣ тяжкое положеніе, въ какое поставлено на западной окраинѣ католическое духовенство самыми законами, а тѣмъ болѣе произволомъ администраціи — мы будемъ ссылаться на статьи »Новаго Времени« по поводу книги графа Леливы.

»Новое Время« не рѣшилось утверждать прямо будто въ Россіи существуетъ »полная вѣротерпимость« и »полная свобода религіи«. Эта газета слишкомъ наловчилась въ изворотахъ, чтобы дать противникамъ легкую возможность разоблачить такое, діаметрально противное истинѣ положеніе. Но въ своихъ изворотахъ, которые оно старается дѣлать неуловимыми »Новое Время« заходитъ въ сущности еще далѣе »Свѣта«. Оно издѣвается надъ »жертвами насилій» и »мучениками за вѣру« въ Западномъ краѣ. »Жертвы насилій, мученики за вѣру... — говорила газета — какая громкая и возбуждающая р е к л а м а для такихъ агентовъ полонизма, какъ ксендзы, а въ особенности епископы католическіе! Такъ какъ н ѣ т ъ н и ч е г о л е г ч е для сказанныхъ агентовъ (т. е. ксендзовъ) избѣгнуть роли жертвы, для

чего требуется только не нарушать демонстративно распоряжений русской власти... то изобиліе жертвъ является прямымъ указаніемъ, что эти »жертвы« приносятся motu proprio, безъ всякой внѣшней необходимости и слѣдовательно имѣютъ свои специальныя цѣли, даже черезчуръ ясныя и до наивности откровенныя. Комедія жертвоприношеній служитъ горючимъ матеріаломъ, какъ для поддержанія фанатическаго патріотизма »жертвъ«, такъ и въ особенности для фанатизированія массы народной, для которой эти жертвы старательно обставляются ореоломъ мученичества за гонимую католическую вѣру«. Вмѣстѣ съ тѣмъ газета спрашивала: »не большія-ли жертвы достаются на долю русскаго дѣла, когда изо дня въ день совершаются, несмотря на разныя насилія, тѣ захваты полонизма, о которыхъ говоритъ нашъ корреспондентъ«.

Жалкія небылицы приведенныя тѣмъ корреспондентомъ, будутъ нами опровергнуты далѣе. Здѣсь-же мы должны только констатировать, что »Новое Время« пыталось представить стѣсненіе и преслѣдованіе, которымъ подвергаются католическія духовныя лица — какъ жертвы или выдуманныя для рекламы, или приносимыя добровольно, безъ всякой внѣшней необходимости, для фанатизированія массы народной. Въ Западномъ краѣ преслѣдованія претерпѣваемыя католическимъ духовенствомъ представляютъ »комедію жертвоприношеній«, а что не комедія, но дѣло серьезное и опасное — это »натискъ« и »захваты« въ томъ краѣ полонизма, агентами котораго являются ксендзы и епископы. А весь тотъ рядъ преслѣдованій ксендзовъ, который приведенъ въ книгѣ графа Леливы, съ названіемъ мѣстъ и фамилій, и ссылкою на числа и нумера распоряженій, »Новое Время«

и не пыталось опровергать иначе, какъ возмутительнымъ глумленіемъ надъ »комедіею жертвоприношеній« и положительнымъ фактамъ, опубликованнымъ въ той книгѣ противопоставляло вопросъ: а почему графъ Лелива не счелъ возможнымъ распространяться о притѣсненіяхъ католическаго вѣроисповѣданія въ Привислинскомъ краѣ? Весь этотъ полемическій пріемъ, это глумленіе надъ жертвами, это обращеніе притѣсняемыхъ въ притѣснителей, этотъ вопросъ — почему говорится объ однихъ страданіяхъ, а не говорится о другихъ — развѣ все это не напоминаетъ тѣ пріемы, которыми извѣстное »торжествующее« животное у Салтыкова пытаетъ »правду«? Вотъ, къ какимъ жалкимъ изворотамъ и вымысламъ прибѣгаютъ защитники въ печати чиновничьяго произвола на западной окраинѣ.

Мы возьмемъ на себя задачу отвѣтить на вопросъ о притѣсненіяхъ католическаго духовенства въ »Привислинскомъ краѣ«. Среди сплошнаго польскаго населенія, епископовъ и ксендзовъ, надѣемся, уже невозможно считать »агентами полонизма« и подвергать ихъ ограничительнымъ мѣрамъ въ цѣляхъ противодѣйствія »захватамъ полонизма«. А между тѣмъ, ксендзы и въ Царствѣ интернированы въ своихъ приходахъ, откуда не могутъ отлучаться хотя бы на день, безъ письменнаго дозволенія начальника уѣзда. Католическій священникъ, обязанный причащаться ежедневно, необходимо долженъ и исповѣдываться чаще, чѣмъ кто-либо изъ мірянъ. Но онъ не можетъ поѣхать съ этой цѣлью къ сосѣднему приходскому священнику, не испросивъ каждый разъ разрѣшенія уѣзднаго начальника. Въ 1884 году при визитаціи епископомъ Гроецкаго деканата, приходскіе ксендзы, поспѣшившіе исполнить свой долгъ — встрѣ-

тить своего архипастыря, по распоряженію варшавскаго генералъ-губернатора (отъ 16 іюля за N. 1338) были подвергнуты, каждый, штрафу въ 25 рублей.

Ксендзъ и въ Царствѣ не можетъ безъ письменнаго *разрѣшенія начальника уѣзда, на каждый отдѣльный* случай, поѣхать на похороны въ сосѣдній приходъ, ни заѣхать въ близкое мѣстечко въ случаѣ болѣзни, чтобы посовѣтоваться съ врачемъ или что-нибудь купить для себя, ни, наконецъ, повидаться съ товарищами по семинаріи, съ знакомыми живущими въ другомъ приходѣ. Вѣдь и священникъ нуждается же въ бесѣдѣ, въ общеніи съ людьми. Но чтобы поѣхать въ гости, какъ только это за предѣлами его прихода, католическій священникъ долженъ предварительно испросить дозволенія у уѣзднаго начальника, иначе онъ заплатитъ штрафъ въ 25, 50 рублей, по усмотрѣнію администраціи. Для него нѣтъ снисхожденія, нѣтъ человѣчности, нѣтъ вниманія ни къ духовнымъ его нуждамъ, ни къ житейскимъ. Спрашивается, кому это нужно, какая политическая система требуетъ этого? Ясно, что одна лишь система *гнета, направленнаго противъ католическаго духовенства* только съ цѣлью стѣсненія его и униженія. А если приходскіе ксендзы интернированы въ своихъ приходахъ въ Царствѣ, то ясно, что они и въ Западномъ краѣ интернированы вовсе не потому, что они являются »агентами полонизма«, но, именно и только потому, что они — католическіе священники. И въ Царствѣ, какъ въ Западномъ краѣ они состоятъ прямо въ положеніи поднадзорныхъ, за каждымъ шагомъ ихъ слѣдятъ, точно они — поселенные преступники, штрафуютъ и ссылаютъ ихъ безъ суда, безъ сношенія съ епископомъ, часто по одному доносу низшаго полицейскаго агента.

Въ Царствѣ, совершенно такъ, какъ и въ Западномъ краѣ, въ костелахъ бываютъ мѣстные праздники festy и odpusty (pardons), на которые стекается католическое населеніе изъ за десятковъ верстъ, причемъ желаетъ приступать къ таинствамъ такое число людей, что иной разъ и десяти священникамъ было бы не легко удовлетворить ихъ желаніе. И вотъ, въ Царствѣ, какъ и въ Западномъ краѣ, администрація даетъ разрѣшеніе на пріѣздъ сосѣднихъ ксендзовъ намѣренно слишкомъ поздно, или вовсе его не даетъ, или разрѣшаетъ прибыть только 2—3 священникамъ. Въ результатѣ, благочестивое желаніе сотенъ людей остается неисполненнымъ и эти люди ропщутъ, ясно сознавая, что власти намѣренно стѣсняютъ ихъ въ удовлетвореніи ихъ духовныхъ потребностей, что вѣра ихъ неугодна властямъ.

Извѣстное, состоявшееся въ 1883 году между русскимъ правительствомъ и св. престоломъ соглашеніе и высочайше утвержденныя 25 марта 1893 года правила точно опредѣляютъ тѣ функціи, какія должны принадлежать какъ духовной, такъ и свѣтской властямъ въ дѣлѣ назначенія въ духовныя должности и перемѣщенія священниковъ съ одной изъ нихъ на другую. Между тѣмъ, варшавскимъ генералъ-губернаторомъ дано было предписаніе отъ 1 сентября 1887 г. за N. 1620, которымъ епископу запрещается переводить въ другую мѣстность или назначать такихъ духовныхъ лицъ, которые были подвергнуты генералъ-губернаторомъ взысканію, иначе какъ съ предварительнаго его разрѣшенія. Циркуляромъ отъ 24 ноября 1892 г. за N. 2111 онъ воспретилъ такое же перемѣщеніе или назначеніе епископомъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя преподаютъ За-

конъ Божій въ начальныхъ школахъ, иначе, какъ по предварительному разрѣшенію учебнаго начальства. А такъ какъ главное дисциплинарное средство воздѣйствія епископа на подчиненное ему духовенство заключается именно въ награжденіи трудолюбивыхъ и примѣрныхъ по своей жизни духовныхъ лучшими приходами, а также въ переведеніи на другія мѣста духовныхъ, подавшихъ какой-либо поводъ къ нареканіямъ, то понятно, что циркуляръ 1892 года фактически лишилъ епископа власти надъ ксендзами, допущенными къ преподаванію Закона Божія въ начальныхъ школахъ, передавъ эту власть попечителю учебнаго округа. Правда, епископъ можетъ временно лишить виновнаго ксендза права священнодѣйствія. Но такая мѣра, очевидно, можетъ быть принимаема только въ случаѣ важнаго проступка, да и въ такомъ случаѣ епископъ долженъ стѣсняться въ примѣненіи ея къ порочному приходскому ксендзу, преподающему въ школѣ — такимъ соображеніемъ, что отдать тотъ приходъ другому священнику онъ не можетъ, а стало быть, богослуженіе въ мѣстномъ костелѣ должно будетъ прекратиться.

V.

Здѣсь необходимо указать на яркій примѣръ именно въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія католическими священниками въ начальныхъ школахъ Царства — того, какъ мѣстная администрація умѣетъ обращать въ мертвую букву тѣ повелѣнія верховной власти, которыя были направлены къ удовлетворенію духовныхъ потребностей населенія. Указомъ 30 августа (12 сентября) 1860 года за N. 50 императоръ Александръ II въ по-

печенія о воспитаніи католическаго населенія Царства въ началахъ вѣры, предоставилъ родителямъ и обществамъ право ходатайства о назначеніи въ начальныя школы, посѣщаемыя учениками католиками — законоучителей изъ католическаго духовенства. Но на подобныя ходатайства мѣстное учебное начальство въ огромномъ большинствѣ случаевъ или вовсе не давало отвѣта, или отвѣчало отказомъ. Дошло до того, что въ 1891 г. въ епархіи варшавской (католической) изъ 418 начальныхъ училищъ только въ 22 законоучителями были духовные католическаго исповѣданія.

Высшее правительство не можетъ раздѣлять взгляда фанатическихъ враговъ католицизма, управляющихъ учебнымъ дѣломъ въ Царствѣ, что чѣмъ недоступнѣе польскому народу религіозное воспитаніе, тѣмъ лучше для государственныхъ цѣлей. Верховная власть всегда сознавала, что ослабленіе религіозныхъ, а съ ними и нравственныхъ основъ среди народа для истинныхъ, высшихъ государственныхъ цѣлей составляетъ вредъ, а не пользу. Такъ, несмотря на то, что при минувшемъ царствованіи мѣстной администраціи въ Царствѣ удавалось навязывать свои взгляды высшему правительству во всѣхъ почти важнѣйшихъ отношеніяхъ, именно въ то царствованіе, вопреки видамъ фанатическаго полякофоба и врага католицизма, нынѣшняго попечителя варшавскаго учебнаго округа, состоялось повелѣніе, имѣвшее цѣлью возстановить въ народныхъ училищахъ преподаваніе Закона Божія католическими духовными. И вотъ, въ силу распоряженій мѣстной администраціи, это повелѣніе императора Александра III опять таки осталось мертвою буквою.

Произошло это слѣдующимъ образомъ. Высочайше

утвержденнымъ 16 марта 1892 г. положеніемъ комитета министровъ постановлено было: 1) »ходатайства о замѣщеніи должностей законоучителей въ гминныхъ и сельскихъ католическихъ начальныхъ училищахъ губерній Царства Польскаго мѣстными приходскими священниками, возбуждаемыя мѣстными обществами, разрѣшаются, по предварительномъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, соглашеніи училищнаго начальства съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ; въ случаѣ разногласія дѣло представляется на окончательное разрѣшеніе варшавскаго генералъ-губернатора«; и 2) »преподаваніе Закона Божія римско-католическаго исповѣданія въ упомянутыхъ училищахъ не должно быть поручаемо лицамъ принадлежащимъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ«.

Когда при указанномъ выше положеніи дѣлъ, т. е. такомъ, что ксендзы лишь въ видѣ исключенія допускались администраціею къ преподаванію Закона Божія въ начальныхъ училищахъ, состоялось высочайшее повелѣніе, направленное къ урегулированію этого дѣла, то ясно, что цѣлью этого повелѣнія было, чтобы дѣти въ начальныхъ училищахъ Царства обучались Закону Божію своими приходскими ксендзами, а недопущеніе гдѣ-либо приходскаго ксендза къ преподаванію могло-бы являться лишь въ видѣ особаго случая, мотивированнаго какой-либо особой политической неблагонадежностью мѣстнаго католическаго священника. Для чего было издавать новый законъ, если-бы все должно было остаться по-прежнему? А оно именно такъ и осталось, благодаря дѣйствіямъ мѣстной администраціи.

Для этого было достаточно нѣсколькихъ словъ въ приведенномъ повелѣніи 16 марта, въ которыхъ упоминалось о соглашеніи училищнаго начальства съ гу-

бернскимъ. Сообщая упомянутое повелѣніе циркулярно губернаторамъ всѣхъ 10 губерній края отъ 4 мая 1892 года за N. 4876, варшавскій генералъ-губернаторъ ни словомъ не указалъ на цѣль этого закона, то есть на допущеніе бо́льшей противъ прежняго доступности для приходскихъ ксендзовъ преподаванія Закона Божія въ начальныхъ школахъ и не предложилъ разрѣшать всѣ подобныя ходатайства, если только не имѣется въ виду, въ томъ или другомъ мѣстѣ, обстоятельствъ исключительныхъ. Нѣтъ, его циркуляръ былъ направленъ, по всему своему смыслу, къ утрудненію доступа для приходскихъ ксендзовъ въ школы и къ поставленію самого ихъ преподаванія въ недостойныя и нестерпимыя условія полицейскаго за нимъ надзора.

Высочайшее повелѣніе, занимающее въ этомъ, печатномъ циркулярѣ 13 строкъ, генералъ-губернаторъ снабдилъ 93 печатными строками коментарія чисто полицейскаго свойства относительно участія губернскихъ властей »въ выборѣ и замѣщеніи должностей законоучителей мѣстными приходскими священниками р.-к. исповѣданія«. Въ повелѣніи было сказано только о соглашеніи училищной власти съ губернскими, а генералъ-губернаторъ писалъ: »такая или другая атестація со стороны мѣстнаго губернскаго начальства названныхъ священниковъ, по самому существу даннаго предмета (!), будетъ имѣть рѣшающее значеніе со всѣми его послѣдствіями, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ разногласія со стороны училищнаго начальства дѣло представляется на окончательное разрѣшеніе варшавскаго генералъ-губернатора (т. е. если попечитель будетъ имѣть что-нибудь противъ ксендза атестованнаго вами благонадежнымъ, то я вамъ покажу!)«. »Другими словами — продолжалъ

циркуляръ — вся отвѣтственность за соотвѣтственный выборъ и назначеніе на должности законоучителей католическихъ священниковъ, на основаніи такой или другой атестаціи объ ихъ благонадежности, всецѣло переходитъ отнынѣ на административныя власти въ краѣ«.

Далѣе, въ циркулярѣ предписывалось слѣдующее: »Посему и принимая во вниманіе съ одной стороны всю государственную важность правильной постановки учебнаго дѣла въ начальныхъ сельскихъ и гминныхъ училищахъ, а съ другой — сдѣланное попечителемъ варш. учебнаго округа заявленіе о затруднительности для учебнаго вѣдомства постояннаго контроля и надзора за училищами, такъ какъ надзоръ этотъ возложенъ единственно на начальниковъ учебныхъ дирекцій, которые по многочисленности сихъ училищъ, не въ состояніи посѣщать и осматривать ихъ своевременно, вслѣдствіе чего множество училищъ долгое время остается безъ осмотра, а при такомъ положеніи всегда возможно вредное вліяніе законоучителей ксендзовъ на учащихся дѣтей, — я признаю нужнымъ преподать Вашему Пре-ству къ руководству и точному исполненію слѣдующія указанія на тѣ мѣры, какія должны быть приняты со стороны мѣстныхъ административныхъ властей въ отношеніи содѣйствія учебному начальству, какъ въ выборѣ и назначеніи вполнѣ благонадежныхъ законоучителей изъ приходскихъ католическихъ священниковъ, такъ и въ наблюденіи за ихъ дѣятельностью по исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей въ самыхъ училищахъ«.

И такъ, въ то время, какъ высочайшее повелѣніе упоминало только о разрѣшеніи ходатайствъ со стороны

обществъ о допущеніи приходскихъ священниковъ къ преподаванію религіи въ народныхъ школахъ — по соглашенію училищнаго и губернскаго начальства, фанатическій попечитель округа, которому все это не нравится, черезъ генералъ-губернатора приглашаетъ полицейскую власть къ наблюденію за преподаваніемъ Закона Божія священниками, »вредное вліяніе которыхъ на дѣтей всегда возможно«. Подумаешь, воровъ какихъ-то допускаютъ въ школу! А генералъ-губернаторъ, не имѣя на то никакого права, дѣйствительно возлагаетъ наблюденіе за преподаваніемъ священниками дѣтямъ религіи въ школахъ — на полицейскихъ чиновъ какъ высшихъ такъ и низшихъ! Не возмутительное-ли это явленіе, не явное-ли нарушеніе смысла императорскаго повелѣнія, направленное къ тому, чтобы послѣднее на дѣлѣ оставалось неосуществившимся, какъ это и произошло?

И вотъ, какія »указанія« въ частности даны тѣмъ же циркуляромъ. »Начальникамъ уѣздовъ и начальникамъ земской стражи вмѣняю въ непремѣнную обязанность непосредственно и неупустительно наблюдать и слѣдить за поведеніемъ и направленіемъ всѣхъ приходскихъ ксендзовъ во ввѣренномъ имъ уѣздѣ и на основаніи цѣлаго ряда своихъ личныхъ наблюденій, свѣдѣній и з ъ д р у г и х ъ в ѣ р н ы х ъ и с т о ч н и к о в ъ и обнаруженныхъ фактовъ, о каждомъ изъ нихъ составлять соотвѣтственныя отмѣтки«. Итакъ, единственнымъ существеннымъ результатомъ повелѣнія, которое имѣло цѣлью сдѣлать возможнымъ для народа изученіе религіи въ школѣ, была отдача всѣхъ приходскихъ ксендзовъ подъ сугубый надзоръ полиціи, съ веденіемъ ею кондуитныхъ о нихъ списковъ. Для самаго же наблюденія за преподаваніемъ священниками Закона Божія цирку-

ляръ предписывалъ: »предлагаю уѣзднымъ начальникамъ, коммисарамъ по крестьянскимъ дѣламъ и начальникамъ земской стражи, при всѣхъ объѣздахъ и разъѣздахъ по дѣламъ службы посѣщать сельскія и гминныя училища и не вмѣшиваясь ни въ учебную программу и данныя распоряженія училищнаго начальства, ни въ хозяйственную часть, производить свои наблюденія посредствомъ простой бесѣды съ учащимися дѣтьми, предлагая, примѣнительно къ ихъ возрасту и понятіямъ, такіе школьные вопросы, изъ отвѣтовъ на которые можно было бы судить о томъ направленіи обученія и нравственно-религіознаго воспитанія, какое ведется въ посѣщенномъ училищѣ. При этомъ, само собою разумѣется, что кромѣ личнаго наблюденія въ самыхъ училищахъ, свѣдѣнія по этому предмету могутъ и должны быть собираемы и изъ другихъ вѣрныхъ источниковъ« (то есть, конечно, отъ стражниковъ, прибавимъ отъ себя).

Хороши эти указанія для обезпеченія религіозно-нравственнаго воспитанія народа — поставить всѣхъ приходскихъ священниковъ подъ сугубый надзоръ полицейской власти и ей же поручить наблюденіе за самымъ преподаваніемъ Закона Божія священниками, съ задаваніемъ дѣтямъ мимо »школьныхъ« вопросовъ, направленныхъ къ уличенію законоучителей въ политической неблагонадежности!

Результатомъ такихъ трогательно-согласныхъ мѣръ попечителя и генералъ-губернатора и было то, что одни приходскіе священники въ Царствѣ не были допущены въ законоучители полицейскою властью, другіе сами не пошли, въ виду недостойнаго положенія, въ какое ихъ хотѣли поставить, а въ иныхъ мѣстахъ и самыя крест-

янскія общества перестали ходатайствовать о призывѣ ксендза въ школу при такихъ условіяхъ. Короче, дѣло осталось въ прежнемъ положеніи. Въ большинствѣ народныхъ школъ и по нынѣ не осуществлена первая статья высочайшаго повелѣнія 16 марта 1892 г., а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ доселѣ не исполняется и вторая статья того же повелѣнія, запрещающая поручать преподаваніе католическаго Закона Божія лицами принадлежащими къ другимъ вѣроисповѣданіямъ.

И все это называется »полной вѣротерпимостью«. Любопытно, что бы сказали »Моск. Вѣдомости«, »Варш. Дневникъ« и »Новое Время«, еслибы въ такія условія было поставлено обученіе православныхъ дѣтей Закону Божію — въ Австріи? Мы уже не говоримъ здѣсь о дѣтяхъ тѣхъ несчастныхъ уніятовъ въ Царствѣ Польскомъ, которыя были насильственно зачислены въ православіе. Они своихъ дѣтей не только не могутъ обучать Закону по своей вѣрѣ, но многіе даже крестить ихъ не желаютъ.

Въ такомъ же положеніи находились и уніяты перечисленные въ православныхъ въ Западномъ краѣ, да находятся тамъ и многіе крестьяне-католики подъ разными предлогами зачисленные въ православныхъ за послѣднее 30-ти-лѣтіе. Такъ, крестьяне нѣсколькихъ деревень Медвѣдичской волости, Слуцкаго уѣзда (Минской губ.) писали въ N. »С.-Петербург. Вѣдомостей« 4 іюня 1896 г.: »Льются слезы несчастныхъ и бѣдныхъ крестьянъ. Около 4000 душъ страдаютъ безъ костела съ 1864 года и до нынѣ дѣти наши некрещеные, въ исповѣди никогда не бываютъ и насъ притѣсняютъ безъ основанія, что мы православные, а въ дѣйствительности мы есть католики«.

Яркіе примѣры »вѣротерпимости« были представлены разными мѣстными властями въ Царствѣ Польскомъ въ октябрѣ 1894 года, при приведеніи народа къ присягѣ на вѣрность подданства. Бывшимъ генералъ-губернаторомъ было сдѣлано безпримѣрное дотолѣ, самовольное распоряженіе, чтобы католическіе священники читали польскому населенію манифестъ о вступленіи новаго Монарха на престолъ и формулу присяги — по русски. Какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ Царства это нововведеніе встрѣтилось съ затрудненіями. Высочайшаго повелѣнія генералъ-губернаторомъ по этому предмету испрошено не было, а дѣло было спѣшное и недоразумѣнія были совершенно неизбѣжны. Развѣ не кощунство было — заставлять крестьянина приносить присягу Монарху не на родномъ языкѣ, какъ было всегда, но по такой формулѣ, которой выраженія ему непонятны и дѣлать это внезапно и самовольно? А нѣкоторыя низшія власти еще прибавили къ этому кощунственныя дѣйствія въ самыхъ костелахъ. Въ уѣздномъ городѣ Ново-Минскѣ, когда священникъ сталъ читать манифестъ по польски, то начальникъ уѣзда прервалъ его чтеніе и запретилъ ему продолжать къ великому изумленію и соблазну народа. Въ фабричномъ поселеніи Жирардовѣ, при чтеніи ксендзомъ передъ олтаремъ формулы присяги жандармскій офицеръ держалъ его за рукавъ, приказывая ему читать громче, а начальникъ земской стражи велѣлъ запереть двери костела и ключъ взялъ къ себѣ въ карманъ. Достаточно этихъ примѣровъ. Отношенія высшей мѣстной власти къ католическому вѣроисповѣданію и духовенству пріучило всѣхъ низшихъ должностныхъ лицъ въ краѣ къ увѣренности, что отвѣчать они могутъ только за не-

достаточный »надзоръ«, но никогда за беззастѣнчивость, произволъ и грубость относительно католическаго духовенства и религіозныхъ чувствъ народа.

Неприязнь русскихъ властей къ католичеству въ Царствѣ совершенно такова-же, какъ и въ Западномъ краѣ и нетерпимость въ наиболѣе яркихъ формахъ — насильственнаго обращенія уніятовъ, захвата костеловъ, ссылки епископовъ и ксендзовъ подъ мнимо политическими предлогами (какъ то было по начатому въ концѣ прошлаго царствованія дѣлу о Кѣлецкой семинаріи) — проявляется одинаково какъ въ »возсоединенныхъ« губерніяхъ, такъ и въ Царствѣ. Разность лишь въ томъ, что въ Западномъ краѣ дѣйствуютъ особые исключительные законы и предписанія властей, въ силу которыхъ борьба противъ католицизма и противъ польскаго языка ведется тамъ дѣятельнѣе. Какъ въ городахъ въ Царствѣ не встрѣчается (покамѣсть) запрещенія говорить по польски, такъ по деревнямъ тамъ не ведется войны противъ воздвиганія крестьянами на поляхъ крестовъ. Захваты костеловъ случались и тамъ, но пока еще нѣтъ систематическаго стремленія къ закрытію возможно большаго ихъ числа и затрудненія самой ихъ починки. Не запрещается пѣніе гимновъ при похоронахъ и ношеніе хоругвей и т. п. Словомъ, преслѣдованіе въ Царствѣ (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ) проявлялось не столь систематично и многообразно. Но вотъ и вся разница; она — количественная, а не качественная.

Вотъ почему вполнѣ понятно, что говоря о притѣсненіи религіозныхъ чувствъ католическаго населенія, о преслѣдованіи духовенства и о мѣрахъ противъ польскаго языка, графъ Лелива въ своей книгѣ останавливался преимущественно на болѣе яркихъ примѣрахъ, ко-

торые относятся именно къ Западному краю. И онъ имѣетъ на это полное право. Ибо совершенно недостаточно называть Западный край »возсоединеннымъ« или »искони русскимъ« для того, чтобы оправдать притѣсненія духовенства, религіозныхъ обрядностей и знаковъ католическаго населенія, составляющаго и въ Западномъ краѣ нѣсколько милліоновъ душъ, а хотя бы и языка милліона живущихъ въ немъ — даже по русской статистикѣ поляковъ.

VI.

Мы должны теперь перейдти къ тому, что дѣлается относительно »полной вѣротерпимости« именно въ Западномъ краѣ, причемъ постараемся быть краткими, отсылая за подробностями и документальными удостовѣреніями къ книгѣ графа Леливы.

Вопреки русскимъ законамъ, которые предоставляютъ католическимъ епископамъ полное право осматривать костелы въ ихъ епархіяхъ и принимать мѣры противъ какихъ-либо злоупотребленій со стороны причтовъ, генералъ-губернаторы Западнаго края самовольно требуютъ, чтобы епископы на объѣздъ епархіи сперва испрашивали ихъ разрѣшенія. Затѣмъ, разрѣшенный объѣздъ обставляется мѣрами самаго бдительнаго и придирчиваго надзора со стороны полиціи, причемъ крестьяне-католики, выказавшіе особое рвеніе въ привѣтствованіи или сопровожденіи своего архипастыря, заносятся въ особые списки и въ случаѣ желанія ихъ купить участокъ земли, не получаютъ на то разрѣшенія, должностныя-же волостныя или сельскія лица за такое же вниманіе къ епископу, а тѣмъ болѣе за написаніе по просьбѣ

крестьянъ прошенія ему о постройкѣ новаго костела, увольняются отъ должностей. Легко-ли на сердцѣ можетъ быть епископу при объѣздѣ епархіи, когда онъ знаетъ, что появленіе его въ каждомъ приходѣ составляетъ прямую опасность для прихожанъ, и что чѣмъ они набожнѣе, тѣмъ вѣрнѣе они могутъ попасть въ списки неблагонадежныхъ по указанію любого урядника.

Далѣе, на назначеніе ксендзовъ въ приходы въ Западномъ краѣ требуется согласіе губернаторовъ, на основаніи утвержденнаго верховной властью положенія особаго комитета въ 1864 году. Такая мѣра сама по себѣ является уже исключительной, относящейся именно только къ католическому приходскому духовенству въ Западномъ краѣ. Но генералъ-губернаторы еще самовольно распространили значеніе этой мѣры: они требуютъ согласія администраціи не только на назначеніе на какія-либо духовныя должности властью епископа, а также на перемѣщеніе и увольненіе всѣхъ католическихъ духовныхъ лицъ въ епархіяхъ. Такое, совершенно самовольное требованіе направлено къ тому, чтобы фактически отнять у епископовъ дисциплинарную власть надъ подчиненнымъ имъ духовенствомъ и благопріятствовать появленію въ средѣ его соблазновъ, благодаря безнаказанности безнравственнаго образа жизни. Въ самомъ дѣлѣ, безнравственному ксендзу стоитъ только войти въ дружбу съ исправникомъ или заявить чѣмъ-либо особую политическую »благонадежность« и епископъ будетъ лишенъ возможности лишить его прихода или перевесть въ другой приходъ. И дѣйствительно, бывали случаи, что приходъ долгое время оставался при такомъ пастырѣ, котораго окружало общее презрѣніе. По чиновничьей политикѣ, такія явленія представляются весьма благопріят-

ными, какъ будто-бы компрометирующія католическую вѣру среди населенія. Но можетъ-ли входить въ виды истинно государственной политики распатаніе чьей-либо вѣры и покровительство безнравственности?

Ту же цѣль — фактическое лишеніе католическихъ епископовъ дисциплинарной власти надъ подчиненнымъ имъ духовенствомъ — имѣетъ и постоянное обращеніе мѣстныхъ властей непосредственно къ приходскимъ ксендзамъ, помимо епископа, съ предписаніями и съ наложеніемъ штрафовъ. Такое непосредственное обращеніе администраціи къ священникамъ помимо епископа практикуется не только въ Западномъ краѣ, но, какъ выше упомянуто, и въ Царствѣ Польскомъ и имѣетъ одинаковую цѣль: ксендза легче принудить къ чему-либо противному каноническимъ правиламъ, угрожая ему тяжкимъ для него штрафомъ въ 100—300 рублей, чѣмъ епископа. А сверхъ того, такимъ путемъ является полная возможность для чиновниковъ преслѣдовать неправящихся имъ достойныхъ пастырей и покровительствовать недостойнымъ, въ мнимыхъ видахъ государственнаго блага.

Штрафы налагаются на приходскихъ ксендзовъ въ Западномъ краѣ мѣстными властями за отлучку безъ разрѣшенія въ другой приходъ, за произнесеніе проповѣди собственнаго сочиненія безъ предварительнаго одобренія цензуры, за сборы на какія-либо неизвѣстныя администраціи цѣли, за слишкомъ раннее совершеніе богослуженія въ оффиціальные праздники, за совершеніе крестныхъ ходовъ внѣ костельной ограды или хотя бы въ оградѣ, но въ дни невключенные въ особый утвержденный администраціею реэстръ, за допущеніе хоругвей или пѣнія гимновъ при похоронахъ и за всякій посту-

покъ несогласный съ требованіями администраціи, хотя бы не только не основанными на законахъ, но и прямо нарушающими законы. Въ отношеніи налагаемыхъ административной властью штрафовъ католическое духовенство цѣлыхъ 9-ти губерній Западнаго края, и только оно во всемъ государствѣ, поставлено совершенно въ тѣ-же условія, какъ дворники, управляющіе домами, содержатели торговыхъ заведеній и трактировъ, легковые и ломовые извощики — въ городахъ столицы — »на »положенія« усиленной охраны«. Сенатъ уже нѣсколько разъ разъяснялъ неправильность примѣненія закона объ охранѣ къ дѣйствіямъ незаключающимъ въ себѣ никакого политическаго посягательства. Совершенно такъ же произвольно и неправильно присвоила себѣ администрація въ западныхъ губерніяхъ право штрафованія ксендзовъ за нарушенія, хотя бы случайныя, малѣйшаго изъ придуманныхъ той-же администраціей предписаній.

Пусть добросовѣстный русскій читатель представитъ себѣ православныхъ приходскихъ священниковъ, отданныхъ подъ такой надзоръ и произволъ гражданскихъ властей, начиная съ полиціи; священниковъ, которымъ чиновники даютъ предписанія помимо архіерея и которыхъ подвергаютъ денежнымъ штрафамъ по своему усмотрѣнію. Конечно, читатель признаетъ такое положеніе тяжкимъ и унизительнымъ для духовенства и оскорбительнымъ для вѣрующихъ. Но и это сравненіе не дастъ еще понятія о томъ, какимъ въ дѣйствительности представляется положеніе католическаго духовенства въ Западномъ краѣ. Православный архіерей, назначающій приходскихъ священниковъ не иначе, какъ съ согласія губернатора, на основаніи отзыва мѣстной полиціи, лишенный возможности удалить духовное лицо, ве-

дущее безнравственную жизнь, если лицо это заручилось благоволенiемъ исправника, наконецъ, священники интернированные въ приходахъ и штрафуемые по произволу за неисполненiе произвольныхъ же требованiй свѣтской администрацiи — это представляло бы условiя для православнаго духовенства унизительныя и стѣсняющiя его въ исполненiи призванiя. Но такое униженiе и стѣсненiе всетаки не представляли-бы собой систематическаго гнета. Между тѣмъ, католическое духовенство поставлено въ такую зависимость и подъ именно такой надзоръ — со стороны властей и чиновниковъ, не только принадлежащихъ къ иному исповѣданiю, но прямо ищущихъ въ придиркахъ, заподозрѣванiи и наложенiи штрафовъ средство отличиться, выслужиться, выказать мѣрами преслѣдованiя свое рвенiе къ обрусенiю, исконнорусскаго, по ихъ увѣренiямъ края.

Правда, все это стараются оправдать »фанатизмомъ« ксендзовъ, ихъ служенiемъ »захватамъ полонизма«. Но гдѣ-же доказательства такого фанатизма и служенiя тѣмъ мнимымъ захватамъ? »Новое Время«, которое въ четырехъ статьяхъ написанныхъ въ опроверженiе книги гр. Леливы ограничилось ссылками на вѣки минувшiе и голословной фразеологiей о положенiи настоящемъ, при пятой статьѣ помѣстило корреспонденцiю изъ Сѣверозападнаго края, въ которой силились доказать фактами захваты полонизма и фанатизмъ ксендзовъ. Это былъ промахъ со стороны ловко жонглирующей фразами газеты: »факты« она привела столь жалкiе, мелкiе и неопредѣленно выраженные, что они доказали одно — невозможность доказать фактически то, что »Моск. Вѣд.« и »Нов. Вр.« обыкновенно доказываютъ голословными фразами.

Для насъ не лишена была значенія такая попытка »Нов. Времени« перейдти отъ простаго огульнаго разсужденія на тему »слово и дѣло« — къ доказательствамъ фактическимъ. Поэтому мы должны показать, какое значеніе можно придавать приведеннымъ газетою фактамъ. Корреспондентъ »Новаго Времени« А. П., по показаніямъ котораго газета основала свои выводы [N. 1 апрѣля (20 марта)], всѣ свои мнимые »факты« относитъ къ Ковенской губерніи. Онъ утверждалъ будто въ мѣстной католической семинаріи »преподаваніе противозаконно ведется на польскомъ языкѣ«. Это показаніе было безусловно опровергнуто письмомъ ректора Ковенской семинаріи, которое »Новое Время« вынуждено было напечатать. Второй »фактъ«, въ добавокъ съ оговоркою, что онъ лично провѣренъ корреспондентомъ: »жмудинъ Бакширъ, говорящій только по жмудски, поступилъ въ церковно-приходскую школу, окончилъ ее, выучился отлично русской грамотѣ и бѣгло говоритъ по русски, пробылъ послѣ того пять лѣтъ въ солдатахъ, а потомъ поступилъ въ католическую семинарію; по выходѣ изъ семинаріи былъ посвященъ въ ксендзы и недавно, встрѣтившись съ своимъ бывшимъ учителемъ по церковно-приходской школѣ, уважаемымъ священникомъ отцомъ ***, по русски говоритъ отказался, говоритъ, забылъ, а можетъ за то говоритъ по польски«. Этотъ фактъ приводится въ доказательство фанатизма ксендзовъ и ихъ вражды ко всему русскому: »Такихъ примѣровъ — прибавляетъ корреспондентъ — можно привесть тысячи«. Обратившись за справкою къ Directorium pro Dioecesi Telsensi (Церковному указателю для Тельшинской (Ковенской) епархіи на 1896 г.), мы нашли въ немъ одного только ксендза носящаго наз-

вашую фамилію и отмѣтку, что онъ рукоположенъ 3 года тому и имѣетъ 25 лѣтъ отъ роду; это значитъ, что въ семинарію онъ поступилъ 17-ти лѣтъ отъ роду. Какимъ же образомъ онъ могъ передъ тѣмъ быть пять лѣтъ въ солдатахъ? И такъ, или корреспондентъ »Новаго Времени« писалъ по слуху и назвалъ не того ксендза, или онъ просто сочинилъ »фактъ«. »Чтобы превратить жмудина въ поляки ксендзы при крещеніи младенцевъ и записываніи ихъ въ метрическія костельныя книги, вмѣсто настоящей фамиліи крещаемаго вписываютъ польскую фамилію« — пишетъ корреспондентъ. Но ксендзы не могутъ вписывать иныхъ фамилій, чѣмъ тѣ, которыя уже значатся въ спискахъ сельскихъ и мѣщанскихъ управъ. А что крестьяне и мѣщане сами часто передѣлываютъ свои прозвища на дворянскій, т. е. польскій ладъ, напр. вмѣсто »Жукисъ« — »Жукевичъ«, то это дѣлается ими просто изъ тщеславія. Такъ, и въ Царствѣ крестьянинъ Муха выйдя въ писаря или экономы, называетъ себя уже Мушинскимъ, а Лисъ — Лисовскимъ. Помогаютъ въ этомъ крестьянамъ волостные писаря и полицейскіе въ городахъ, конечно, не даромъ. Еще корреспондентъ утверждаетъ, будто »жмудяки, служащіе у русскихъ, скоро выучиваются по русски, но за это бываютъ лишаемы ксендзами причастія«. И это — совершенный вздоръ. Почти вся прислуга у русскихъ чиновниковъ въ Ковенской губерніи состоитъ изъ католиковъ, а если были случаи, что чиновникъ доносилъ на ксендза за лишеніе причастія служанки-католички, то это было изъ мести за то, что служанка, съ которою чиновникъ жилъ, бросила его, вслѣдствіе того, что ксендзъ отказывалъ ей въ причащеніи, пока она не оставитъ блуднаго сожительства.

Но — довольно этихъ примѣровъ, чтобы показать, какого рода тѣ »факты«, къ которымъ приходится прибѣгать органамъ религіозной нетерпимости, съ цѣлью доказать враждебныя государству дѣйствія ксендзовъ и оправдать безпримѣрный нынѣ въ Европѣ гнетъ, подъ какой они поставлены именно въ Западномъ краѣ, хотя и въ Царствѣ, какъ выше показано, они живутъ въ исключительныхъ условіяхъ, несуществующихъ для духовныхъ лицъ другихъ признанныхъ въ государствѣ исповѣданій. Между тѣмъ, вотъ какіе выводы сдѣланы были въ редакціонной статьѣ »Новаго Времени« на основаніи »фактовъ«, сообщенныхъ газетѣ ея корреспондентомъ: бѣлоруссы, литвины и жмудины настойчиво и систематически передѣлываются въ поляковъ сперва посредствомъ надѣленія ихъ польскими фамиліями, а потомъ духовно, чрезъ отправленіе дополнительнаго богослуженія въ костелѣ молитвословій на польскомъ языкѣ, чрезъ духовную школу, гдѣ фактически обученіе происходитъ на польскомъ языкѣ (ложь)... »Нельзя не согласиться съ нашимъ корреспондентомъ изъ Сѣверозападнаго края, что располяченіе костела *должно быть поставлено одною изъ важнѣйшихъ задачъ нашей политики въ этомъ краѣ*«.

VII.

Но что бы значило »располяченіе костела« — по мысли авторовъ этого новаго каламбура, присоединяемаго къ цѣлому ряду прежнихъ, служащихъ къ переименованію, прикрытію, оправданію голаго насилія, явнаго преслѣдованія? »Располяченіе« означало бы не что иное, какъ обрусеніе католическихъ проповѣди, исповѣди, гимновъ и литаній въ костелѣ, а также дополни-

тельныхъ молитвословій при совершеніи требъ и притомъ обрусеніе именно на великорусскій ладъ, такъ, чтобы молитвы были на языкѣ церковно-славянскомъ, а исповѣдь производилась и проповѣди произносились бы на великорусскомъ языкѣ. И какъ только такая перемѣна была бы введена, то съ тѣмъ вмѣстѣ непремѣнно было бы строжайше воспрещено во всемъ Западномъ краѣ исповѣдывать не только католиковъ бѣлоруссовъ, но и поляковъ мѣстныхъ, а хотя бы и пріѣзжихъ изъ Царства Польскаго — на языкѣ польскомъ, ксендзы были бы обязаны исповѣдывать поляковъ на великорусскомъ языкѣ, произносить молитвы и слова поученія при крещеніи или окропленіи освященной водой жилищъ и яствъ въ польскихъ домахъ не иначе, какъ на языкахъ церковнославянскомъ и великорусскомъ, подъ страхомъ тѣхъ-же штрафовъ, какіе имъ угрожаютъ за неосторожное произнесеніе нѣсколькихъ польскихъ словъ въ присутственномъ мѣстѣ.

Вотъ что означало бы »располяченіе костела« въ Западномъ краѣ, потому что ничего иного онъ значить не можетъ. Литовцы или жмудины имѣютъ и въ настоящее время ксендзовъ своихъ земляковъ, которые исповѣдуютъ ихъ и проповѣдуютъ имъ на ихъ родномъ языкѣ, молитвенники у литвиновъ — на литовскомъ языкѣ, гимны они поютъ по литовски. Но переводы молитвъ и гимновъ были предварительно одобрены въ Римѣ, по разсмотрѣніи ихъ въ конгрегаціи обрядовъ (Rituum). Ксендзы-поляки въ Ковенской губерніи составляютъ меньшинство. Значитъ, »располяченіе костета« можно было бы понимать только по отношенію къ католикамъ-бѣлоруссамъ. Но развѣ ревнители »располяченія« допустили бы введеніе дополнительнаго богослуженія на

языкѣ бѣлорусскомъ? Конечно — нѣтъ. Это доказывается фактомъ, что проповѣди на бѣлорусскомъ языкѣ, невозбранно произносившіеся ксендзами еще въ царствованіе Николая I — воспрещены. И такъ, если поученіе бѣлорусcовъ ксендзами въ костелахъ производится нынѣ по польски, то это представляетъ собою не натискъ и захватъ полонизма по волѣ фанатическихъ ксендзовъ, но принужденіе ксендзовъ къ польской проповѣди бѣлоруссовъ — по волѣ русскаго правительства. *Отсюда ясно, что въ силу той игры въ каламбуры, ко*торая изъ бѣлорусса и украинца или русина дѣлаетъ »русскаго«, а затѣмъ роднымъ языкомъ гражданскимъ для него, какъ »русскаго«, признаетъ языкъ великорусскій, церковнымъ-же — церковнославянскій — никогда не допустили бы дополнительнаго богослуженія на бѣлорусскомъ языкѣ, если бы св. Престолъ и разрѣшилъ послѣднее, разсмотрѣвъ и утвердивъ переводы. Безусловно потребовали бы введенія молитвъ на языкѣ церковнославянскомъ, а проповѣдей — на великорусскомъ. А на это св. Престолъ едва-ли когда-либо можетъ дать свое согласіе, имѣя въ виду такіе два возмутительно краснорѣчивые примѣры, что уніяты, которымъ было предоставлено отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ, были насильно перегнаны въ православіе, сперва въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и заднѣпровской Руси, а въ новѣйшее время и въ Царствѣ Польскомъ.

А безъ согласія папы, безъ предварительнаго просмотра переводовъ на какой-либо языкъ католическихъ молитвословій, ритуала богослуженія и св. Писанія въ конгрегаціи и утвержденія ихъ папою, безусловно невозможно для ксендзовъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, служеніе по такимъ переводамъ и вообще ихъ

употребленіи. При утвержденіи въ 1614 году требниковъ Rituale Romanum и Missale Romanum, папа Павелъ V подтвердилъ буллы своихъ предмѣстниковъ: Пія V, Климента VI и Урбана VIII, въ папоныхъ буллахъ, подъ строжайшими карами (sub poena suspensionis, excommunicationis et inhabilitatis in posterum), повелѣно всему духовенству, отъ патріарховъ до простыхъ священниковъ, во всѣхъ государствахъ и странахъ свѣта буквально придерживаться словъ и рубрикъ, безъ *малѣйшей въ чемъ либо перемѣны. Поэтому, переводы* ев. Писанія и молитвъ съ латинскаго языка на новые и допущеніе такихъ переводныхъ текстовъ къ употребленію въ церквахъ или гдѣ-либо предпринимались въ разныхъ странахъ мѣстнымъ духовенствомъ, просматривались и утверждались (а иногда и не утверждались) въ Римѣ и предѣлы ихъ употребленія обозначались точно мѣстными съѣздами духовенства (синодами). Такъ и въ королевствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскомъ съ 1556 по 1631 гг. собирались въ разныхъ городахъ 40 епархіальныхъ и 12 провинціальныхъ синодовъ для обсужденія вопроса о разрѣшеніи употребленія языковъ польскаго литовскаго и латышскаго при дополнительномъ богослуженіи и разсмотрѣніе сдѣланныхъ переводовъ молитвъ и духовныхъ пѣсней. Главнымъ изъ упомянутыхъ соборовъ былъ Піотрковскій. *Но переводы были напечатаны* только въ 1631 году по разсмотрѣніи и утвержденіи ихъ въ Римѣ. Польскій переводъ Библіи ученаго ксендза Вуйка былъ одобренъ папою Климентіемъ VIII и изданъ въ 1599 году. Передъ текстомъ его включено предостереженіе о томъ, что дозволяется употребленіе исключительно этого пере-

вода, и воспрещается употребленіе всякихъ иныхъ подъ угрозою отлученія отъ церкви.

Такого, утвержденнаго св. Престоломъ перевода на языкъ великорусскій нѣтъ и не можетъ быть, исключая если бы образовалась цѣлая епархія великоруссовъ-католиковъ. Утверждать-же великорусскій текстъ молитвословій — для бѣлоруссовъ св. Престолу нѣтъ никакого основанія, такъ какъ онъ не можетъ входить въ обрусительные виды русскихъ чиновниковъ, и какъ уже замѣчено, не можетъ не имѣть постоянно въ виду насильственнаго обращенія уніятовъ въ православіе. Стало быть, обвинять ксендзовъ за то, что они произносятъ поученіе полякамъ и бѣлоруссамъ въ Западномъ краѣ по польски и что гимны въ костелахъ поются на томъ же языкѣ — совершенно нелѣпо. Ксендзы не имѣютъ права, безусловно не могутъ поступать иначе. Когда-же училищныя начальства въ Западномъ краѣ не дозволяютъ ученикамъ-интернамъ брать съ собою въ костелъ одобренныя католической церковью польскія книжки богослуженія, а принуждаютъ ихъ несть въ костелъ русскіе мнимо католическіе, одобренные не папою, а русскою цензурою молитвенники, то это представляетъ только лишній фактъ грубаго насилія надъ совѣстью, насилія, которое возмущаетъ и дѣтей, и родителей, вселяя въ нихъ чувство ненависти. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о принужденіи тѣхъ-же учениковъ-католиковъ къ присутствованіи въ дни оффиціальныхъ праздниковъ на богослуженіи не въ костелѣ, но непремѣнно въ православной церкви, между тѣмъ, какъ католикамъ церковные ихъ правила воспрещаютъ присутствіе при инословныхъ обрядахъ.

Такимъ образомъ тѣ ксендзы, которые, угождая

властямъ, пыталось вводить дополнительное богослуженіе на русскомъ языкѣ, а именно Сенчиковскій, Каменскій, Макаревичъ, Яновскій и проч. безъ разрѣшенія не только папы, но и епископа, являлись явными ослушниками католической церкви, подлежавшими отлученію. А между тѣмъ, имъ давались ордена и разные награды, а тѣ ксендзы, которые не слушались незаконныхъ предписаній такихъ декановъ (благочинныхъ), какъ Сенчиковскій и Макаревичъ, удаляла администрація изъ ихъ приходовъ, а прихожане, протестовавшіе противъ самовольнаго новшества, подвергались арестамъ и штрафамъ; наконецъ, въ приходы, которые заявляли о своемъ нежеланіи русскаго богослуженія, вмѣсто удаленныхъ ксендзовъ, долгое время не назначалось новыхъ.

И послѣ огромнаго соблазна, произведеннаго такимъ образомъ чиновничествомъ при содѣйствіи нѣсколькихъ недостойныхъ духовныхъ лицъ, послѣ арестовъ и ссылокъ, чѣмъ же окончилась попытка къ тому »располяченію костела«, котораго нынѣ желаютъ »Новое Время« и »Московскія Вѣдомости«? Тѣмъ, что утвержденнымъ *верховною властью положеніемъ комитета* министровъ 1 ноября 1887 года введеніе русскаго языка въ дополнительное католическое богослуженіе было признано мѣрой вредной и генералъ-губернатору было сообщено, что если не дѣлается распоряженія объ отмѣнѣ употребленія русскаго языка въ католическомъ богослуженіи и въ тѣхъ приходахъ Минской губерніи, гдѣ оно было введено, то единственно для поддержанія авторитета правительства (?).

Мы нѣсколько разъ упоминали о насильственномъ обращеніи въ православіе и не оставили безъ оговорки возможнаго возраженія русскаго читателя, что вѣдь и са-

мая унія вводилась въ свое время насильственно. Нами уже было замѣчено выше, что одно насиліе нисколько не оправдываетъ другого насилія и то, что представлялось возмутительнымъ въ XVI и XVII вѣкахъ, тѣмъ болѣе возмутительно въ XIX столѣтіи. Если мы здѣсь нѣсколько разъ упоминаемъ о судьбѣ уніятовъ въ русскомъ государствѣ, то не потому, чтобы насъ интересовала вѣроятность или невѣроятность возвращенія ихъ въ католичество. Дѣло насилія совершено уже давно и если мы говоримъ о немъ, то какъ о крупномъ историческомъ событіи, которое служитъ самымъ рѣзкимъ опроверженіемъ русской вѣротерпимости. Вотъ почему мы настаиваемъ на безусловно насильственномъ характерѣ упраздненія уніи. Было различіе въ самомъ способѣ распространенія уніи въ Польшѣ и упраздненіи ея въ русскомъ государствѣ. Въ Польшѣ, правда, въ XVII и XVIII стол. диссиденты были ограничиваемы въ правахъ службы, а магнаты и католическое духовенство употребляли разныя средства, иногда и насильственныя, для обращенія православныхъ въ уніятскіе. Мы нисколько не отрицаемъ, что бывало насиліе и осуждаемъ его безусловно, нисколько не менѣе, чѣмъ его осуждаютъ русскіе историки. Но всетаки, въ польскомъ государствѣ, послѣ того, какъ состоялась унія, вовсе не было принято общей государственной мѣры къ упраздненію православія въ предѣлахъ всего государства, какъ то было сдѣлано съ уніею въ государствѣ русскомъ. Многіе православные приходы и братства продолжали существовать, вносили протесты на сеймъ, печатали церковныя книги и политическія брошюры въ свою защиту, вели открытую агитацію въ справедливой оборонѣ своего дѣла. Такъ, напримѣръ монастырь Св. Духа

въ Вильнѣ, съ состоящимъ при немъ братствомъ всегда оставались православными, и сами же русскіе историки указываютъ на этотъ монастырь и братство, какъ на сильную и дѣятельную опору православія въ Литвѣ.

Но развѣ что-либо подобное было допущено при упраздненіи уніи въ русскомъ государствѣ? Руское государство, присоединяя къ себѣ земли входившія въ составъ польской республики (которую еще Карамзинъ изъ зависти прозвалъ »Рѣчью Посполитою«, хотя rzecz pospolita значитъ буквально res publica, между тѣмъ, какъ называлъ съ особою любовью республиками Новгородъ и Псковъ, которые никогда себя такъ не называли), объявило жителямъ, что обезпечиваютъ каждому свободное исповѣданіе его вѣры и отправленіе богослуженія. Статьею VIII трактата 1793 года руское правительство приняло на себя слѣдующее обязательство: »Римско-католики обоихъ обрядовъ (т. е. латынскаго и уніятскаго), поступающіе въ силу статьи II настоящаго трактата въ подданство е. в. императрицы всероссійской, не только будутъ пользоваться во всей имперіи *свободой исповѣданія своей вѣры, но имъ въ тѣхъ же* областяхъ уступаемыхъ по ст. II обезпечивается владѣніе нынѣшними наслѣдственными имуществами. Съ этой цѣлью е. в. императрица всероссійская обѣщала безповоротно за себя, своихъ преемниковъ и наслѣдниковъ, что помянутымъ римско-католикамъ обоихъ обрядовъ обезпечено будетъ ненарушимое обладаніе прерогативъ, собственности и храмовъ, полное сохраненіе обряда и дисциплины, какъ равно и всѣми правами относящимися къ ихъ исповѣданію«. Затѣмъ еще было прибавлено, что императрица за себя и своихъ преемниковъ обѣщаетъ, что никогда монаршая власть не будетъ упот-

ребенка къ ущербу католическаго вѣроисповѣданія обоихъ обрядовъ« въ тѣхъ областяхъ, которыя поступили въ ея, императрицы владѣніе. А между тѣмъ, уже въ 1796 году въ югозападныхъ, а отчасти — въ сѣверозападныхъ губерніяхъ отобраны были у уніятовъ ихъ церкви и около 8 милл. уніятскаго населенія были насильственно обращены въ православіе подъ страхомъ ссылокъ и всякихъ наказаній для каждаго уніята, который бы »упорствовалъ« въ своей вѣрѣ. Дальнѣйшій главный шагъ въ этомъ смыслѣ былъ сдѣланъ при Николаѣ I, послѣдній — при Александрѣ II — въ Царствѣ. Возраженіе, что постановленіе о возсоединеніи съ православною церковью исходило отъ уніятскихъ архіереевъ не имѣетъ никакого значенія для оправданія полицейскаго насилія надъ совѣстью милліоновъ людей. Еслибы, послѣ упомянутаго постановленія архіереевъ, уніятамъ, которые желали остаться при своей вѣрѣ это было возможно, какъ было возможно для православныхъ въ Польшѣ по провозглашеніи уніи, въ такомъ случаѣ возсоединеніе было бы дѣйствительно актомъ архіереевъ. Но такъ какъ всѣмъ уніятамъ безусловно, подъ опасеніемъ тяжкихъ каръ, было повелѣно сдѣлаться православными, то это уже было не дѣйствіемъ церковной іерархіи, а государственно-полицейскимъ насиліемъ. Это была отмѣна обѣщанія неприкосновенности, было совершенно тоже самое, что извѣстная отмѣна Нантскаго эдикта, изданнаго въ пользу протестантовъ во Франціи, а послѣдовавшія ссылки и заключенія ничѣмъ не отличались отъ извѣстныхъ »драгонадъ«, кромѣ своей неумолимой систематичностью, всеобщностью и неукоснительностью. А вѣдь всѣ историки видятъ въ отмѣнѣ Нантскаго эдикта и въ драгонадахъ одно изъ величай-

шихъ и жестокихъ нарушеній начала вѣротерпимости. Въ числѣ такихъ историковъ находятся и тѣ русскіе историки, которые обращаясь въ публицистовъ, громко утверждають, что въ Россіи всегда существовала и существуетъ полная вѣротерпимость и что никого не преслѣдовали за вѣру.

А между тѣмъ редакція »Новаго Времени« рѣшилась иронизировать надъ »комедіею жертвоприношеній«. »Комедія жертвоприношеній служитъ горючимъ матеріаломъ, какъ для поддержанія фанатическаго патріотизма жертвъ, такъ и въ особенности для фанатизированія массы народной, для которой эти жертвы старательно обставляются ореоломъ мученичества за гонимую католическую вѣру; это — очень ловкій маневръ«. Стало быть, когда уніятовъ въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ насильно перегоняли въ православіе, когда »упорствующихъ« цѣлыми деревнями ссылали въ Сибирь или били нагайками при отобраніи церквей, то это не были дѣйствительныя, а только выдуманныя жертвы. И когда многихъ изъ бывшихъ уніятовъ фанатизировали до того, что они предпочитаютъ вовсе не крестить дѣтей, чѣмъ крестить по насильственно навязанному обряду, то это фанатизированіе массы народной не явилось послѣдствіемъ жестокаго преслѣдованія, а представляло только результатъ »ловкаго маневра« польскихъ агитаторовъ.

Но тѣ русскіе печатные органы, которые спеціально занимаются оправданіемъ всякаго произвола и всякихъ насилій чиновничества въ Западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ, потеряли всякій стыдъ въ сужденіяхъ и всякую совѣсть въ обращеніи съ фактами. Такъ тотъже корреспондентъ изъ Сѣверозападнаго края пишетъ:

»польскаго народа въ краѣ не существуетъ, но есть польскіе паны и польскіе ксендзы« ... А поселки такъ называемой »околичной« шляхты, а все христіанское населеніе городовъ, за исключеніемъ русскихъ чиновниковъ и солдатъ? Да въ одномъ Вильнѣ изъ христіанскаго населенія въ 55 тысячъ душъ, если исключить чиновниковъ и солдатъ, можно сказать всѣ — поляки, такъ какъ всѣ городскіе рабочіе, прислуга, извощики, ремесленники, торговцы, если они христіане, то именно поляки, говорящіе съ дѣтства въ семьѣ и между собой не иначе, какъ по польски.

Вообще, различеніе во внутренней политикѣ между »искони русскимъ краемъ« (включая туда-же и Литву)« и »губерніями съ чисто польскимъ населеніемъ« имѣло бы какой-нибудь смыслъ только тогда, еслибы »чисто польскимъ губерніямъ« даны были польскія учрежденія, съ польскимъ языкомъ въ преподаваніи и судопроизводствѣ. Но когда все различіе въ политикѣ — въ примѣненіи къ Западному краю и Царству Польскому заключается лишь въ томъ, что въ послѣднемъ хотя также гонятъ поляковъ съ государственной и желѣзнодорожной службы, ограничиваютъ права польскаго языка (напр. не позволяя издавать календарей безъ русскаго текста или запрещая гимназистамъ говорить между собою по польски въ гимназіяхъ), держатъ католическихъ священниковъ интернированными въ приходахъ, ссылаютъ ксендзовъ, ограничиваютъ власть епископовъ надъ ксендзами, преподающими въ начальныхъ школахъ, да и допускаютъ-то ксендзовъ до преподаванія въ этихъ школахъ лишь въ видѣ исключенія), короче, стѣсняютъ поляковъ въ правахъ и унижаютъ ихъ, какъ національность, то есть дѣлаютъ тоже самое, что въ Западномъ

краѣ, но только въ меньшей степени, — то нечего и говорить о различіи между »исконно русскими« и »чисто польскими« губерніями. Такое различіе и дѣлается единственно съ цѣлью оправдать положительно уже безпредѣльное преслѣдованіе всего польскаго въ Западномъ краѣ — на томъ-де основаніи, что онъ исконно-русскій. А если заговорить, что за то въ польскихъ губерніяхъ слѣдовало бы дать языку польскому нѣкоторыя права въ управленіи, школѣ и судѣ, то на это чиновники отвѣчаютъ: нѣтъ, этого невозможно допустить и въ чисто-польскихъ губерніяхъ. Значитъ, къ чему же это различіе въ теоріи, если нѣтъ принципіальнаго различія въ управленіи? Очевидно оно служитъ только для того, чтобы давить поляковъ въ однѣхъ губерніяхъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, но всетаки давить ихъ повсюду.

VIII.

Намъ пришлось бы написать толстую книгу, еслибы мы хотѣли съ точностью указать на всѣ виды нарушенія начала вѣротерпимости въ русскомъ государствѣ по отношенію къ католикамъ-полякамъ, литовцамъ и бѣлоруссамъ. Но самымъ нарушительнымъ проявленіемъ нетерпимости, прямаго гоненія, послѣ насильственнаго обращенія уніятовъ, является безспорно отнятіе или закрытіе костеловъ, примѣры котораго бывали и въ Царствѣ Польскомъ. Никакой »маневръ агитаторовъ полонизма« не способенъ именно такъ »фанатизировать массы народной«, какъ подобныя дѣйствія, немыслимыя гдѣлибо въ остальной Европѣ. Изъ новѣйшихъ доказательствъ русской вѣротерпимости наиболѣе поучительнымъ можетъ служить дѣло по отобранію и закрытію

костела въ Крожахъ. Въ очеркѣ посвященномъ русской вѣротерпимости, мы обязаны разсказать о дѣлѣ, въ которомъ ксендзы не только не возбуждали народа противъ властей, но сами содѣйствовали насилію властей, подвергаясь оскорбленіямъ со стороны возмущенныхъ прихожанъ. А фанатизировали народъ именно дѣйствія бывшаго гродненскаго губернатора Клингенберга, усиленно защищавшіяся впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ Оржевскимъ.

Въ мѣстечкѣ Крожахъ, Россіенскаго уѣзда, Ковенской губерніи существовалъ съ 1639 года монастырь ордена Бенедиктинокъ, которыя на собственныя средства построили красивый каменный костелъ, вполнѣ прочный и до настоящаго времени. Въ декабрѣ 1891 г. виленскій генералъ-губернаторъ исходатайствовалъ повелѣніе о закрытіи названнаго монастыря и костела. Тогда мѣстные прихожане (приходъ состоитъ изъ 8000 душъ) стали подавать прошенія на имя Монарха, а также и генералъ-губернатору о томъ, чтобы каменный костелъ былъ отданъ имъ и сдѣланъ приходскимъ, вмѣсто деревяннаго полу-сгнившаго, стоявшаго при кладбищѣ, съ оставленіемъ послѣдняго въ качествѣ кладбищенскаго. Такихъ прошеній было подаваемо нѣсколько въ разное время. На поданныя генералъ-губернатору заявленъ былъ отъ него отказъ, на другія прихожанамъ никакой резолюціи объявлено не было. Затѣмъ, генералъ-губернаторомъ было испрошено чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ новое повелѣніе 10 іюня 1893 г. о томъ, чтобы монастырское имѣніе было принято въ казну съ предоставленіемъ пользованія имъ причту православной Воскресенской церкви въ Ковнѣ, чтобы костелъ былъ разрушенъ и матеріалъ отъ него былъ обращенъ на пос-

тройку въ Крожахъ школы сельскаго хозяйства. Какое попеченіе о благѣ населенія! Прихожане ходатайствують о предоставленіи имъ существующаго костела, а ихъ хотятъ осчастливить школой сельскаго хозяйства, для постройки которой изъ имѣющаго быть добытымъ матеріала, надо сперва сломать костелъ, на что по отзыву самаго губернатора Клингенберга, необходимъ былъ расходъ въ 11.000 рублей, а по отзыву декана ксендза Ястржембскаго, на судѣ — 25.000 руб. Мѣстный же деревянный костелъ такъ ветхъ, что стѣны его можно протыкать палкой (его же показаніе).

О состоявшемся повелѣніи прихожанамъ объявлено не было, но они узнали, что состоялся указъ консисторіи о передачѣ костела въ веденіе полиціи. Тогда прихожане послали новыя прошенія на имя Монарха о предоставленіи имъ названнаго костела, взамѣнъ ветхаго деревяннаго. Однако, не только на прошенія эти прихожане не получили никакой резолюціи, но какъ было выяснено на судѣ (рѣчь прис. пов. Андреевскаго), ни объ одномъ изъ этихъ прошеній не было даже и доложено Монарху, не послѣдовало рѣшенія даже въ самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; прошенія просто валялись въ министерствѣ. Но незнавшіе о томъ прихожане, не вправѣ-ли были надѣяться на покровительство Монарха и просить власти, чтобы костелъ не былъ закрываемъ и разрушаемъ до разсмотрѣнія ихъ просьбы верховной властью?

Между тѣмъ, опасаясь, и не безъ причины, что власти могутъ захватить костелъ, прихожане еще съ сентября 1893 г. стали оберегать его, находясь въ немъ посмѣнно день и ночь, причемъ охранявшимъ приносилась пища ихъ родными. Такъ, они не позволили ксен-

дзу Можейкѣ, являвшемуся три раза (въ сентябрѣ и октябрѣ) удалить изъ костела чашу съ св. Тайнами. Въ октябрѣ съ той-же цѣлью являлись въ костелъ другіе два ксендзы въ сопровожденіи исправника Вихмана и сперва они, потомъ онъ объясняли народу тщетность сопротивленія, но прихожане рѣшительно объявляли каждый разъ, что никого въ костелъ не впустятъ, ибо надѣются на царскую милость и ожидаютъ верховной резолюціи, на поданныя ими прошенія. Между тѣмъ, отъ перваго повелѣнія о закрытіи костела, состоявшагося 12 декабря 1891 г., до октября 1893 г., когда въ костелѣ все еще отправлялись богослуженія, истекли почти два года и въ самомъ приговорѣ судебной палаты по настоящему дѣлу — однимъ изъ обстоятельствъ дававшихъ право на смягченіе для обвиненныхъ кары, прямо указано на то, что народъ въ такомъ промедленіи закрытія костела не могъ не видѣть нѣкотораго колебанія со стороны власти, подававшаго ему надежду, что завѣтное его желаніе будетъ услышано.

Но ночью на 10 ноября 1893 г. на мѣсто прибылъ ковенскій губернаторъ Клингенбергъ, чтобы »лично распорядиться«, взявъ съ собой 7 полицейскихъ чиновниковъ, 50 конныхъ урядниковъ и около 10 жандармскихъ унтеръ-офицеровъ. Узнавъ-же по дорогѣ отъ одного полицейскаго надзирателя, что въ крожанскомъ костелѣ собралось народу около 400 чел., Клингенбергъ вызвалъ по телеграфу въ Крожы 3 сотни казаковъ на 8 час. утра 10 ноября. Въ 2 часа ночи явился передъ костеломъ губернаторъ со своей шайкой, такъ какъ разсчетъ его первоначально былъ очевидно таковъ, чтобы ворваться въ костелъ воровскимъ манеромъ ночью и хотя

бергъ приказалъ выгнать ихъ изъ костела нагайками, что и было исполнено. Затѣмъ губернаторъ велѣлъ урядникамъ и жандармамъ нагайками же выгнать весь народъ за стѣну окружающую костелъ. Но какъ только полиція ударила въ нагайки, то картина перемѣнилась: вмѣсто спокойныхъ и покорныхъ просьбъ бывшихъ досел, изъ толпы полетѣли каменья и колы. Нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ остановили толпу, что дало губернатору съ нѣсколькими его подчиненными и ксендзами возможность проникнуть въ костелъ, заперевъ и забарикадировавъ за собой двери. Но народъ вскорѣ открылъ себѣ входъ въ костелъ и сталъ угрожать Клингенбергу, который укрылся на хоры и сидя тамъ, соглашался на требованіе составить протоколъ, но вмѣстѣ съ подчиненными всячески затягивали дѣло, чтобы выждать прихода казаковъ, напр. теряли приносимыя имъ перья (показаніе жандарма Геккендорфа). А народъ говорилъ губернатору: »Что-жъ это за правительство, которое закрываетъ храмы?« (показаніе на судѣ совѣтника губернскаго правленія Кожина).

Въ такомъ положеніи чиновники и ксендзы оставались въ продолженіи 5 часовъ, а ярость толпы поддерживалась тѣмъ, что полицейскій надзиратель Гоффманъ съ конными урядниками неоднократно и будто-бы для отвлеченія толпы на себя, производилъ атаки на народъ оставшійся внѣ костела (собственное его показаніе), при чемъ урядникъ стрѣлялъ и многихъ ранилъ.

Наконецъ, появились три сотни казаковъ. Тогда костелъ опустѣлъ и ксендзы вынесли чашу и другіе священные предметы. Затѣмъ, по приказанію губернатора, началась уже настоящая расправа. Казаки били народъ нагайками, саблями, пиками и дротиками, пре-

слѣдуя бѣжавшихъ, изъ которыхъ нѣкоторые упали въ рѣчку Кроженту. Затѣмъ, казаки окружили мѣстечко, стали сгонять народъ и бить нагайками, уже не въ борьбѣ, но для наказанія, по приказанію губернатора *»нагайками валятъ сколько влезѣтъ!«* (*показаніе мѣстнаго приходскаго* ксендза Ренадзкаго).

Объ этой расправѣ заговаривали нѣкоторые свидѣтели на судѣ, на нее пытались ссылаться и адвокаты. Но предсѣдатель палаты (нынѣ сенаторъ) Стадольскій каждый разъ прерывалъ такія показанія и ссылки словами: »Что было далѣе, это не относится къ дѣлу«. Защитники подсудимыхъ присяжные повѣренные Турчиниковъ, Андреевскій, князь Урусовъ, Жуковскій и Каминскій, каждый отдѣльно, ходатайствовали о разрѣшеніи палаты на задаваніе свидѣтелямъ вопросовъ относительно того, что происходило при арестованіяхъ и потребовали занесенія этого въ протоколъ. Тогда, прервавъ засѣданіе, предсѣдатель Стадольскій, очевидно, переговорилъ съ адвокатами, такъ какъ по возобновленіи суда, черезъ четверть часа, собственною властью разрѣшилъ *спрашивать свидѣтелей о томъ, что происходило »въ моментъ* арестованія«. Но понятно, что подъ этимъ ограниченіемъ, свидѣтели не могли разсказать всего что видѣли. Во всякомъ случаѣ, вотъ что сказалъ прис. повѣренный Андреевскій и свидѣтели. Михаилъ (врачъ) и Людвикъ Ландсберги. Первый заявилъ: »Прошу разрѣшенія палаты, съ внесеніемъ въ протоколъ, на изслѣдованіе на судѣ того, что подсудимые, немедленно по арестованіи были подвергнуты сѣченію въ видѣ предварительнаго наказанія«. Михаилъ Ландсбергъ показалъ, что подавалъ помощь около 20 лицамъ, раненымъ во время сопротивленія, неговоря уже о томъ, что было

дальше. Большая часть поврежденій была на головѣ отъ ударовъ нагайками, но троимъ онъ вынулъ револьверныя пули. Людвикъ Ландсбергъ заявилъ, что живя, съ братомъ, врачемъ, въ своемъ имѣніи, они слышали стрѣльбу въ Крожахъ, видѣли раненыхъ прибѣжавшихъ къ нимъ въ имѣніе, и тотчасъ выѣхали въ Крожи, встрѣтили на дорогѣ надзирателя Гоффмана, который скакалъ галопомъ съ сотней казаковъ, имѣвшихъ шашки на-голо. Другая сотня окружала мѣстечко и исправникъ кричалъ казакамъ: »Валяйте нагайками покрѣпче!« Въ врачебномъ протоколѣ, прочитанномъ на судѣ по желанію прокуратуры, упомянуто только о 8 раненыхъ.

Но въ виду того, что подобныя показанія на судѣ были стѣснены, нельзя не принять къ свѣдѣнію и того изложенія событій 10 ноября, которое было составлено подсудимыми во время ихъ заключенія въ тюрьмѣ и подлинникъ котораго находится нынѣ въ Рапперсвильскомъ музеѣ, а также поименнаго списка потерпѣвшихъ и умершихъ при расправѣ въ Крожахъ. Битыхъ въ волостномъ правленіи названо 16 человѣкъ, которые получили отъ 25 до 45 ударовъ нагайками, въ томъ числѣ одинъ столѣтній старецъ. Ранено револьверными пулями 10 чел. Сильно побито нагайками еще 28 чел., въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ. Изнасиловано казаками 12 женщинъ и дѣвушекъ. Умерло отъ полученныхъ поврежденій 9 чел., въ томъ числѣ 2 женщины утонули въ рѣчкѣ, а одна умерла изнасилованная нѣсколькими казаками. Разсказъ, написанный въ тюрьмѣ свидѣтельствуетъ, что нѣкоторыя женщины были изнасилованы на глазахъ свидѣтелей, связанныхъ.

Мы должны оговорить, что приводимъ эти дополнительныя справки (списки и показаніе »разсказа«)

только для свѣдѣнія, именно потому, что обстоятельства, слѣдовавшія непосредственно за прибытіемъ казаковъ, не были раскрыты на судѣ съ достаточными свободой и полнотой. Съ той-же оговоркой объ условности и даже односторонности, эти дополнительныя справки приводятся и въ томъ источникѣ, изъ котораго мы ихъ заимствовали. Это именно — книга „Proces Krożan przed Izbą Sądową Wileńską", Kraków, 1896. Въ книгѣ помѣщенъ переводъ всего судоговоренія по Крожанскому дѣлу, а также части относящейся къ нему административной переписки. Такъ какъ переводъ обвинительнаго акта, показаній свидѣтелей и рѣчей защитниковъ сдѣланъ дословно, съ подраздѣленіемъ на засѣданія, приведеніемъ всѣхъ чиселъ, именъ и нумеровъ, то мы сочли себя въ полномъ правѣ воспользоваться этими данными. А русскія газеты, которыя не пожелали или не имѣли возможности печатать въ свое время отчеты о Крожанскомъ процессѣ, прежде, чѣмъ заявлять сомнѣніе о точности приведенныхъ нами здѣсь свѣдѣній, обязаны справиться у извѣстныхъ адвокатовъ, бывшихъ защитниками на судѣ. Прибавимъ, что книга издана изящно и заключаетъ, какъ видъ Крожанскаго костела, такъ и планъ залы засѣданій и портреты главныхъ подсудимыхъ, защитниковъ и даже гг. Клингенберга и Оржевскаго.

Всякіе комментаріи къ Крожанскому дѣлу были бы излишни. Оно само говоритъ за себя. Мы скажемъ по его поводу только одно: Вотъ русская »полная вѣротерпимость« въ концѣ XIX вѣка! Развѣ это — не драгонады? Развѣ ксендзы фанатизируютъ народъ такъ жестоко оскорбляемый въ его священныхъ чувствахъ, народъ мирный, питающій надежду на защиту Царя отъ чиновниковъ? Правда, въ настоящемъ дѣлѣ палатою

были признаны »внѣшнія подстрекательства«. Но эти подстрекательства представлялись только въ видѣ статьи, помѣщенной въ одной литовской газетѣ, выходящей за границею, въ которой народъ призывался къ защитѣ отнимаемыхъ костеловъ. Но не было-бы такого святотатственнаго насилія, не могло-бы быть и »подстрекательства«, которое ссылалось на бывшіе уже факты въ этомъ родѣ.

Виленская палата, принявъ во вниманіе обстоятельства смягчающія вину, уменьшила наказанія подсудимымъ въ мѣрѣ того, какъ позволялъ законъ, однако принуждена была приговорить четырехъ подсудимыхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и отдачѣ въ каторжныя работы на 10 лѣтъ (низшая мѣра наказанія), троихъ къ лишенію правъ и поселенію въ Сибири, остальныхъ къ тюремному заключенію и меньшимъ карамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду обстоятельствъ дѣла, палата постановила ходатайствовать передъ верховной властью о замѣнѣ первымъ четыремъ обвиненнымъ каторжныхъ работъ — заключеніемъ въ тюрьмѣ на 1 годъ, безъ ограниченія правъ и о полномъ помилованіи всѣхъ остальныхъ.

IX.

Тогда генералъ-губернаторъ Оржевскій, употреблявшій всѣ усилія, чтобы выгородить губернатора Клингенберга и самого себя, не удовольствовался тѣмъ, что избитые въ защитѣ своей святыни люди, продержанные уже въ тюрьмѣ 10 мѣсяцевъ, присуждены были къ тюрьмѣ еще на годъ, обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ отношеніемъ отъ 24 октября 1894 г. за N. 4245

(въ собственныя руки), въ которомъ называлъ приговоръ суда »изумительнымъ« и покорнѣйше просилъ министра не оставить зависящимъ содѣйствіемъ къ тому, чтобы помилованіе, о которомъ ходатайствовала палата не состоялось. По этому, возмутительному со стороны мѣстной администраціи дѣлу, генералъ-губернаторъ — что весьма характерно — повторялъ обычную ея пѣсню для поддержанія системы исключительныхъ законовъ и произвола въ западныхъ губерніяхъ, а именно, что упорство и сопротивленіе католическаго населенія вызываются ксендзами, что такое сопротивленіе угрожаетъ государственному порядку и спокойствію и что необходимо строгое отношеніе къ виновнымъ безъ неумѣстной снисходительности, такъ какъ иной образъ дѣйствія внушаетъ населенію увѣренность, что такого рода преступленія остаются безнаказанными, колебля довѣріе къ правительственнымъ распоряженіямъ и даже возбуждая населеніе къ новымъ случаямъ сопротивленія. Генералъ-губернаторъ просилъ, чтобы приговоръ, который и такъ уже примѣняетъ низшую мѣру наказанія, не былъ совсѣмъ лишенъ значенія тѣмъ дальнѣйшимъ смягченіемъ для однихъ осужденныхъ и помилованіемъ остальныхъ, о которомъ ходатайствовала палата. Такого рода снисхожденіе — по словамъ ген. Оржевскаго — внушитъ населенію Ковенской губерніи еще болѣе вѣры въ силу и безнаказанность р.-к. духовенства, возбудителя таковыхъ преступленій и даетъ поводъ къ обвиненію должностныхъ лицъ въ томъ, что они были причиною, вызвавшею вооруженное сопротивленіе. Не подлежитъ сомнѣнію, по словамъ ген. Оржевскаго, что въ данномъ случаѣ темный людъ былъ жертвою своихъ духовныхъ пастырей, екс-

плуатирующихъ свое стадо для личныхъ выгодъ и что неумѣстное снисхожденіе къ виновнымъ явилось бы поблажкою, которая вызывала бы новыя жертвы, кои имѣли бы право обвинять правительство за то, что оно не обезпечило ихъ отъ такого рода печальнаго заблужденія.

Если мѣстная администрація указывала въ избитыхъ сю людяхъ — жертвы ксендзовъ, тѣхъ ксендзовъ, которые тѣмъ же администраторамъ содѣйствовали при закрытіи костела, при чемъ одинъ изъ ксендзовъ былъ помятъ толпою, то это даетъ лучшую мѣру явной лживости всѣхъ увѣреній чиновниковъ и сочувствующихъ имъ газетъ о возбужденіи народа ксендзами-агентами полонизма, о постоянномъ натискѣ и захватахъ полонизма въ Западномъ краѣ. Вся эта очевидная ложь повторяется только для того, чтобы воспрепятствовать о отмѣнѣ исключительныхъ законовъ въ западныхъ губерніяхъ и уравненіи ихъ съ другими губерніями имперіи во всѣхъ отношеніяхъ, для поддержанія произвола мѣстныхъ властей и ихъ чиновниковъ, наживающихъ имѣнія въ безотвѣтно отданномъ имъ на съѣденіе краѣ.

Министръ юстиціи, которому министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ приведенный, въ сокращеніи, отзывъ виленскаго генералъ-губернатора, для доклада верховной власти по Крожанскому дѣлу, съ своей стороны, потребовалъ свѣдѣній отъ старшаго предсѣдателя виленской судебной палаты, сообщивъ ему для свѣдѣнія отзывъ генералъ-губернатора. Предсѣдатель палаты Стадольскій (нынѣ сенаторъ) и написалъ тогда министру юстиціи слѣдующее письмо, которое мы приводимъ, уже не въ сокращеніи, но въ подлинномъ его текстѣ, такъ

какъ оно представляетъ удостовѣреніе не только неправильности дѣйствій администраціи въ Крожанскомъ дѣлѣ, но и правдивости нашего взгляда на сущность этого дѣла, взгляда основаннаго на документахъ слѣдствія и суда. Вотъ что писалъ министру г. Стадольскій:

»М. г., Николай Валеріяновичъ! Независимо отъ »приговора судебной палаты по дѣлу о безпорядкахъ »въ м. Крожы, Ковенской губерніи, представляемому »нынѣ Вашему Высокопревосходительству въ силу за»кона, — я въ силу нравственнаго долга считаю моею »обязанностью показать въ настоящемъ моемъ письмѣ »чего палата, какъ судъ, не имѣла права сдѣлать »въ своемъ опредѣленіи. Несмотря на то, что при»сутствіе при судебномъ слѣдствіи генералъ-губерна»тора, который почти все время находился въ залѣ »засѣданія, видимо стѣсняло свидѣтелей вообще и поли»цейскихъ чиновъ въ особенности, безусловно выясни»лось: какъ тѣ, предшествовавшіе катастрофѣ въ ночь »съ 9 на 10 ноября 1893 г. обстоятельства, на кои »указано въ приговорѣ палаты, такъ и то, что Ковен»скій губернаторъ Клингенбергъ вызвавъ въ м. Крожы, »ввиду свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ полиціи, на 8 »часовъ утра 10 ноября, 3 сотни казаковъ, послѣ почти »2-хъ лѣтняго промедленія въ дѣлѣ закрытія костела »при упраздненномъ монастырѣ Бенедиктинокъ, приз»налъ *однако цѣлесообразнымъ приступить наконецъ* »къ закрытію таковаго въ 2 часа ночи. Возбужденная »сторонними подстрекательствами и обнадеженная пред»варительными, болѣе нежели нерѣшительными дѣйствi»ями властей, невѣжественная и до фанатизма религіоз»ная толпа встрѣтила Губернатора на порогѣ своего »храма съ самыми священными эмблемами, какія въ пред-

»ставленіи ихъ только существуютъ: съ крестомъ и порт-
»ретами Ихъ Императорскихъ Величествъ. Толпа, оче-
»видно, думала, что черезъ такую святыню уже никакая
»власть переступить не можетъ. Но Губернаторъ не
»только вошелъ въ костелъ, и притомъ силою, но
»и посредствомъ полицейскихъ урядниковъ нагайками
»выгналъ изъ костела весь находившійся и молившійся
»въ немъ народъ.

»Это, весьма естественно, вызвало взрывъ всеоб-
»щаго негодованія, дошедшаго до бѣшенства, и толпа,
»выломавъ двери костела, забарикадованныя по прика-
»занію Губернатора, едва не ворвалась на хоры, гдѣ
»Губернаторъ спасался, окруженный ксендзами и чи-
»нами полиціи. Толпа съ угрозами требовала отъ него
»составленія протокола о томъ, что онъ, какъ татаринъ
»и разбойникъ, ворвался ночью въ святой храмъ и учи-
»нилъ тамъ безчинство; и Губернаторъ, въ видахъ вы-
»игрыша времени, въ ожиданіи прихода казаковъ, счелъ
»возможнымъ дать согласіе на такое, болѣе нежели уко-
»рительное для его служебнаго положенія требованіе,
»которое только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что
»разсвирѣпѣвшая толпа потеряла всякую способность
»сознательныхъ дѣйствій. Между тѣмъ, въ тоже время
»и внѣ костела на толпу сдѣлано было нѣсколько атакъ
»конными урядниками и въ нее стрѣляли, что безус-
»ловно констатировано на судебномъ слѣдствіи показа-
»ніями двухъ врачей, подававшихъ медицинскую по-
»мощь пяти лицамъ, получившимъ къ счастью легкія,
»огнестрѣльныя, револьверныя раны. Что произошло по
»прибытіи казаковъ и послѣ огульнаго арестованія массы
»лицъ, то есть уже послѣ того, какъ сопротивленіе толпы
»было вполнѣ закончено и подавлено — не было пред-

»метомъ судебнаго изслѣдованія; но изъ единичныхъ за»явленій подсудимыхъ, кои устранить, конечно, было »нельзя, видно, что засимъ послѣдовала съ нѣкоторыми »изъ нихъ административная расправа: ихъ сѣкли ка»заки, по указанію Губернатора, нагайками.

»Такова, Ваше Высокопревосходительство, въ об»щихъ чертахъ, картина всего происходившаго въ ночь »на 10 ноября 1893 года въ м. Крожахъ и таковы усло»вія, при которыхъ палатѣ пришлось, даже при самомъ »снисходительномъ отношеніи, подписывать приговоръ, »гдѣ зачинщики приговорены къ каторжнымъ работамъ. »Но палата, какъ судъ, исполнила свой долгъ, какъ по»велѣвалъ это ей сдѣлать законъ и совѣсть, и, твердо »уповая на Монаршее милосердіе, къ которому и опре»дѣлила прибѣгнуть.

»Еслибы я этимъ закончилъ, то не сказалъ бы »еще всего, что сказать себя считаю обязаннымъ, хотя-бы »это и не касалось болѣе меня, какъ представителя су»дебнаго установленія. Я разумѣю древній, каменный »костелъ, при упраздненномъ монастырѣ Бенедиктинокъ, »который постановлено, вмѣсто обращенія въ приход»скій, взамѣнъ стараго деревяннаго и гнилаго, какъ »о томъ ходатайствовали прихожане, не только закрыть, »но и срыть, снести, что по словамъ г. Губернатора, »лично мнѣ сказаннымъ, будетъ стоить казнѣ не менѣе »11,000 рублей. Въ этомъ снесеніи мѣстное католиче»ское населеніе не можетъ не видѣть желанія уничто»жить дорогую святыню, имѣющую для него даже исто»рическое значеніе, и, сверхъ того, какъ бы прямаго »преслѣдованія своей вѣры, а то и другое, »смѣю думать, никогда не было и не можетъ быть въ ви»дахъ Правительства«.

»Народъ и здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, давно »свыкся съ мыслью о томъ, что для него Русскій Царь »есть неизсякаемый источникъ всѣхъ благъ, всего луч»шаго, на что онъ можетъ надѣяться. Такимъ образомъ, »вообще говоря, милость, идущая до него съ высоты »Трона, по моему мнѣнію, нигдѣ и никогда не можетъ »поколебать престижа власти, а въ частности, примѣ»ненное къ данному случаю, и притомъ, даже въ са»мыхъ широкихъ размѣрахъ, будетъ въ тоже время »и актомъ высшей справедливости.

»Вашему Высокопревосходительству извѣстно мое »служебное прошлое; я считаю себя стоящимъ внѣ вся»кихъ сомнѣній относительно моихъ увѣреній, проникну»тыхъ чувствомъ долга и вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ »къ моему Государю. Я состарѣлся на службѣ по судеб»ному вѣдомству, я наконецъ, — русскій и притомъ »русскій до мозга костей, и я говорю Вамъ: Ваше Вы»сокопревосходительство, дѣло, которое только что, подъ »моимъ предсѣдательствомъ, закончилось и подъ живымъ »впечатлѣніемъ котораго Вамъ пишу настоящія строки, »именно потому, что я русскій, возмутило во мнѣ до »глубины души національное чувство, которымъ я всегда, »вездѣ и по преимуществу въ этомъ краѣ гордился, гор»жусь и буду гордиться.

»Примите, Ваше Высокопревосходительство увѣре»ніе и проч.

Стадольскій«.

Вотъ, что писалъ министру юстиціи, то есть справедливости, человѣкъ несомнѣнно правительственный по политическимъ взглядамъ, но уважающій законъ, дорожащій правосудіемъ. Вскорѣ по окончаніи Крожан-

маго дѣла г. Стадольскій былъ отозванъ изъ Вильна и назначенъ къ присутствованію въ сенатѣ. Но при предложеніи виленской судебной палаты отъ 30 ноября 1894 г. министръ юстиціи препроводилъ къ ней Высочайшее повелѣніе отъ того-же числа, коимъ первымъ четыремъ осужденнымъ: дворянину Маргевичу и крестьянамъ Рымкусу, Жутоиту и Бражловскому каторжные работы замѣнены на заключеніе въ тюрьмѣ безъ ограниченія правъ, а всѣ прочіе 32 осужденные помилованы безусловно. Такимъ образомъ судъ не тщетно обратился къ милосердію юнаго Монарха.

X.

Изъ всѣхъ указанныхъ нами несомнѣнныхъ фактовъ, среди коихъ Крожанское дѣло является новѣйшей, яркой иллюстраціей общаго ихъ значенія, сами собой и неопровержимо истекаютъ слѣдующіе выводы: 1) что вѣротерпимости и свободы религіи въ Россіи не существуетъ ни по отношенію къ русскому расколу, ни по отношенію къ такъ называемымъ »иностраннымъ исповѣданіямъ въ Россіи« и что противоположныя утвержденія нѣкоторыхъ публицистовъ составляютъ завѣдомую ложь; 2) что терпимость къ иновѣрнымъ исповѣданіямъ въ Россіи ограничивается лишь тѣмъ, что костелы и кирки въ присоединенныхъ ею областяхъ не были закрыты и все иновѣрческое населеніе не было насильственно обращено въ православіе, хотя эта судьба постигла милліоны уніатовъ; что забравъ въ казну капиталы и имущество католическаго духовенства, русское правительство изъ собираемыхъ съ католиковъ налоговъ незначительную часть удѣляетъ на жалованья епис-

копамъ и ксендзамъ; что хотя за послѣднее 30-ти-лѣтіе въ нѣкоторыхъ приходахъ и была разрѣшена постройка новыхъ костеловъ на средства прихожанъ, но гораздо бóльшее число костеловъ было отнято или закрыто; 3) что положеніе католическаго духовенства, какъ въ Западномъ краѣ, такъ и въ Царствѣ Польскомъ крайне стѣснительно; что духовенство это интернировано въ приходахъ, подобно лицамъ ссылаемымъ за порочную жизнь въ назначенныя для нихъ мѣста пребыванія; что мѣстная администрація въ Западномъ краѣ дѣйствуетъ прямо враждебно католическому духовенству, нарушая и соглашеніе съ Римомъ, и каноническія права епископовъ, а ксендзовъ подвергаетъ по своему произволу ссылкамъ и штрафамъ, навязывая имъ ни на чемъ не основанныя и ничѣмъ не оправдываемыя предписанія; что католическое населеніе въ томъ-же краѣ находится подъ особымъ надзоромъ полиціи и въ фактическомъ передъ ней безправіи; что начиная отъ сломки крестовъ, поставленныхъ при дорогѣ безъ разрѣшенія и кончая возмутительными насиліями изъ за вѣры, подобными Крожанскому дѣлу, населеніе это мѣстными чиновниками пріучается видѣть во всякой власти врага его вѣры; 4) что въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ также были и обращеніе уніятовъ со ссылкой ихъ деревнями, и случаи отнятія костеловъ, и ссылки духовныхъ лицъ, гдѣ приходскіе священники также интернированы въ своихъ приходахъ, и въ огромное большинство народныхъ школъ не допускаются для преподаванія Закона Божія, гдѣ, наконецъ, католиковъ, какъ и въ Западномъ краѣ, гонятъ со службы и заставляютъ непонимающихъ по русски крестьянъ присягать Монарху непонятными имъ словами — положеніе католичества лишь въ количест-

венной мѣрѣ, въ степени гнета, но не въ качествѣ, не въ принципѣ иное, чѣмъ въ Западныхъ губерніяхъ.

Слишкомъ очевидно, что усиленное поддержаніе и распространеніе недовольства въ десятимилліонномъ католическомъ населеніи не можетъ ни соотвѣтствовать истиннымъ интересамъ государства, ни выраженной юнымъ Монархомъ равной заботливости о благѣ всѣхъ подданныхъ. Католическое населеніе въ теченіе уже свыше 30-ти лѣтъ хранило полное политическое спокойствіе, и давно могла быть пріобрѣтена полная, нравственная его солидарность съ русскимъ народомъ, еслибы не то исключительное положеніе, то вѣчное заподозрѣваніе, придирки и раздраженіе на каждомъ шагу, которыя входятъ въ интересы мѣстнаго чиновничества, въ средства для него отличаться, дѣлать карьеру и наживаться.

Но генералъ-губернаторы, губернаторы, всѣ чиновники и тѣ газеты, которыя живутъ травлей иновѣрцевъ, эксплуатируя грубые инстинкты толпы, всегда будутъ твердить, что такова единственная возможная по всѣ времена система управленія католическимъ населеніемъ, будутъ повторять то, что писалъ Оржевскій, требуя, вопреки суду, каторжныхъ работъ для избитыхъ крестьянъ-католиковъ. И только свѣтлый взглядъ, самостоятельность почина и твердая воля самого Монарха могла бы измѣнить все это и однимъ уравненіемъ, одинаково отеческимъ отношеніемъ ко всѣмъ мирнымъ подданнымъ рѣшить вопросъ окончательно и дѣйствительно согласно съ интересами государства.

